

р 38
РП
114062

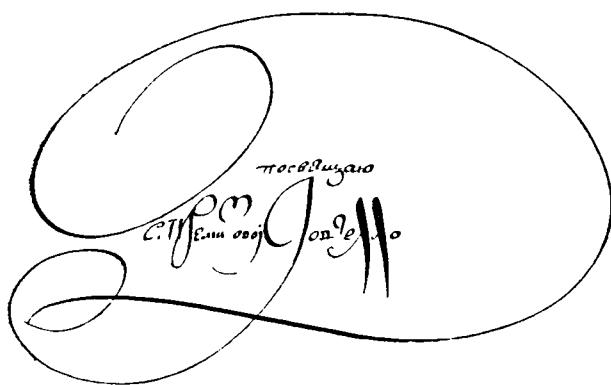
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

— М С М Х В И —

НИКОЛИНЫ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ : : :
Петроградъ В. О. Тучкова набер. 2,

memoranda

C. I. P. M.
1899

— А що буде, якъ Богъ помре?
А Микола Святый на що?

У всякой бабы свой сказъ про Николу.

Никола Угодникъ.

I.

удна нѣкая вещь, явился Николѣ верхомъ на конѣ съ серпами въ рукахъ ангелъ Господенъ.
— Время жатвы пришло, пробудись, стань иди на свою землю.

Въ страхѣ проснулся Никола, поклонился гробу Господню, гдѣ неустанно молился за родъ христіанскій, и, по морю ходящій яко по суху, отошелъ на Русскую землю.

Не узналъ Никола свою Русскую землю. Вырублена, выжжена, развоевана, стоитъ она пуста-пустехонька, и лишь вѣтры вѣютъ по глухимъ степямъ, и не найти на ней правды.

Уязвился сердцемъ Святитель, поднялъ посохъ и, скорый на помощь, пошелъ по Руси изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, съ Волги-рѣки на Москварѣку, съ Днѣпра на Поморье, заушалъ нечестивцевъ-арievъ—беззаконныхъ правителей, забывшихъ слово Божіе, каралъ лежебокъ - тунеядцевъ и расточителей, не радѣющихъ о своей родинѣ, освобождалъ невинно-заключенныхъ въ темницы, останавливалъ мечъ, занесенный надъ головою напрасно осужденныхъ на казнь, воскресиль

двухъ разрубленныхъ отроковъ, одарилъ нищихъ-дѣтей погремушками, обошелъ полевыя межи, вывелъ къ солнцу буйное жито, поправилъ яровые зеленые всходы, покрылъ травой обогрѣтую землю. И, гдѣ вымокло, тамъ подсушилъ, и гдѣ высохло, тамъ дождемъ полилъ. Надоѣло конямъ стоять во дворѣ — выгналъ въ полѣ, въ ночное, — городи городьбу!

А осень настала, загналъ Угодникъ съ поля коней и ношелъ подъ дождемъ по труднымъ дорогамъ: тамъ телѣга увязнетъ, тамъ лошадь не выташишь: на все надо помошь.

Безъ него, какъ безъ рукъ, — не поднять мужику полевыя работы. Все, что сиро и слѣпо, одному ему видно. Попроси, — выручить, все скажетъ Спасу, самого Илью умилостивить: не поляжетъ отъ града рожь на земль — живи, не тужи!

Въ лапоткахъ, съденькій, съ посохомъ и ходилъ такъ Угодникъ Божій по Русской землѣ съ венчияго Николы, всю весну, лѣто и осень до самой Никольщины.

Отстоялъ Никола вечерню у Печерской въ Киевѣ, второй звонъ звонять — пришелъ къ Софіи въ Новгородъ, третій звонъ звонять — идетъ въ Питеръ къ Казанской, а къ великому славословію въ Успенскій на Москву поспѣлъ.

И, поднявъ со всѣхъ вѣтровъ густой большой иней, серебромъ покрылъ онъ отъ края до края всю Русскую землю и благословилъ ее — свою горькую, свою голодную, свою безшабашную, свою пьяную, чтобы сумѣла она мудро устроиться, не грѣшила бѣ ротозѣйствомъ, самомнѣніемъ, глупостью, не выставляла бѣ себя на посмѣшище, не попрекали бѣ ее въ лѣности.

И, трижды благословивъ ее великимъ благословеніемъ, пошелъ помаленьку вверхъ по облакамъ на небеса къ райскимъ вратамъ справлять Никольщину.

II.

Передъ вратами рая, подъ райскимъ деревомъ, за золотымъ столомъ, сидѣли угодники Божіи.

Всѣ святые собрались на Никольщину.

Петръ-полукормъ, Афанасій-ломоносъ, Тимоѳей-половинникъ, Аксинья-полухлѣбница, Власій-шиби-рогъ-съзимы, Василій-капельникъ, Евдокія-плюшниха и Герасимъ-грачевникъ, Алексѣй-съ-горъ-вода, Дарья-загрязни-проруби, Федулъ-губы-надулъ, Родіонъ-ледоломъ, Руфа-земля-рухнетъ, Антипъ-водополь, Василій-выверни-оглобли и Егоръ-скотопасъ, Степанъ-ранопашецъ, Ярема-запрягальникъ, Борисъ и Глѣбъ—барышъ-хлѣбъ, Ирина-разсадница, Іовъ-горошникъ, Мокій-мокрый и Лукерья-комарница, Сидоръ-сивирянъ и Алена-Льносѣйка, Леонтій-огуречникъ, Федосья-колосяница, Еремей-распрягальникъ, Петръ-поворотъ, Акулина-гречушница—задери-хвосты, Иванъ-купаль, Аграфена-купальница, Пудъ и Трифонъ—безсонники, Пантелеймонъ-паликопъ, Евдокія-малинуха, Наталья-овсянница, Анна-скирдница и Семенъ-лѣтопроводецъ, Никита-рѣпорѣзъ, Фекла-заревница, Пятница-Праскева, Кузьма-Демьянъ съ гвоздемъ и Матрена зимняя, Федоръ-студитъ, Спиридонъ-поворотъ, три отрока, сорокъ мучениковъ, Иванъ Поститель, Илья Пророкъ, Михайло Архангель, да милостивая жена Аллилуева милосердая.

Одного только не было—самого Николы Угодника.

И не разъ посыпалъ Илья отроковицу Милостыню, и возвращалась отроковица одна.

Въ девятомъ часу явился Никола.

Въ лапоткахъ, сѣденкѣй, съ своимъ посохомъ пришелъ Никола къ райскимъ вратамъ,—райское платье его поиздергалось, заплатка на заплаткѣ, дырявое.

— Что, Никола, что заиоздалъ такъ? — спросилъ Илья,—или и для праздника переправляешь души человѣческія съ земли въ рай?

— Все съ своими мучился,—отвѣталъ Никола, присаживаясь къ святымъ за веселый золотой столъ,—пропацій народъ: воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына! Да и всѣ хороши, другъ дружку пойдомъ будятъ.

— Я нашлю громъ-молнію, попалю, выжгу землю! — воскликнулъ громовный Илья.

— Я росы имъ не дамъ! — поднялся Егорій.

— А я моръ пущу, чуму, изомрутъ, какъ псы! — крикнулъ Касьянъ; известно, Касьянъ вгорячахъ Златусту усы спалилъ.

— Смерть на нихъ! — сталъ Михайло Архангель съ мечомъ.

— Велѣль мнѣ ангель Господенъ истребить весь русскій народъ, да простила я имъ, — отвѣталъ нашъ Никола Милостивый,—больно ужъ мучаются.

И, возставъ, поднялъ чашу во славу Бога Христа, создавшаго небо и землю, море и рѣки, и китовъ, и всѣхъ птицъ, и человѣка по образу своему и по подобію.

И вдругъ выпала чаша изъ рукъ.

Упала чаша на столъ,—не разбилась, а, какъ была, осталась съ краями полна.

Притихнули угодники, всѣ святые, весь райскій пиръ.

III.

Спитъ Угодникъ, закрыты глаза.

Разъ окликнулъ Илья,—не слышитъ Никола, и въ другой окликнулъ,—не просыпается. Кричитъ Илья въ третій разъ—и поднялъ Никола голову.

Стали тутъ святые пытать у Николы, сталъ Угодникъ святымъ рассказывать:

— Пустился по Студеному морю съ хлѣбомъ купеческій корабль, плыли на томъ кораблѣ триста старцевъ соловецкихъ, везли старцы воскъ и медъ, спѣшили на Николыцину въ Миры Ликійскія. И застигла буря корабль. Ударили волны—вспелешись море. Шипѣло. Бурная, надъ вѣтромъ и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скака на бѣломъ хрустальноногомъ конѣ, рѣзала море, разрывала когтями корабль. Въ твердой вѣрѣ и крѣпко надѣясь, въ голосъ крикнули старцы: Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ! Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святымъ Духомъ, я пошелъ къ нимъ на море и избавилъ ихъ изъ глуби морской. Велеша угомонилась. И спокойно плывутъ корабли. Вотъ почему задремалъ я, и выронилъ чащу.

— Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ! — воскликнули святые.

Пили святые питіе новое райское, ъли высокій пирогъ съ кашей, съ горохомъ, съ капустою.

И пировалъ съ ними Никола, сильный Богомъ, всѣмъ святымъ помощникъ—рѣдкій ихъ гость, нищелюбецъ, страннопріимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженикъ, чудотворецъ, заступникъ за Русскую землю.

Помилуй насъ, Боже и святой Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ!

Николинъ завѣтъ.

 а Онегой—гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ нетрогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали. Была у него семья большая—и всѣхъ сыновей на войну погнали воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежить Филиппъ ночью, раздумываетъ—и праздникъ пришелъ, престоль въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху!—и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитъ—среди ночи звонъ. Прислушался —или вѣтеръ?—нѣтъ, звонили въ колоколъ. Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали,—говорить,—что?

— Да,—говорятъ,—въ колоколъ ударили.

Пошли въ церковь. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая—звѣзды, какъ птицы, плыли изъ конца въ конецъ, бѣлыя надъ бѣлой землей. Подошли къ колокольнѣ, смотрятъ —на колокольнѣ нѣтъ никого, а звонитъ... разъ пять ударило въ колоколъ.

Вызвался Филиппъ, дай самому развѣдать. Поднялся на колокольню и видитъ—стоитъ подъ колоколомъ стариkъ, такъ нищій стариkъ, ни руками, ни ногами не двигнеть, а колоколъ звонить.

— Ты кто?—спрашиваетъ нищій стариkъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?
А стариkъ только смотритъ, да добро такъ, милостиво:
„Филиппушко, моль, аль не признаешь?“

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, говоритъ, —ты меня, Никола угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

А звоню я, —говорить угодникъ, да стала такой грозный, —я звоню, потому что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофею попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрять, коли словами скажу, —сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрять! —сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола ити Филиппу къ народу по землѣ родимой, —за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки, —такъ сошелъ съ колокольни и рассказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру —пострадать за родимую землю.

Николинъ даръ.

иль одинъ бѣднякъ, Иваномъ звали, не велико у него было хозяйство, земли немного, и жизнь нелегкая, одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался, да не возропталъ, принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поетъ, такой ужъ.

Разъ пашетъ Иванъ поле, пшеницу сѣть. Разсѣялъ, пашетъ, за собой борону возитъ, самъ пѣсни поетъ, и уперся концомъ въ дорогу. А по дорогѣ два путника: сѣденькій одинъ съ посохомъ, другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человѣкъ-то больно веселый, поетъ?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходятъ, нужды не знаетъ, вотъ и поетъ.

Поровнялись путники.

— Богъ помошь тебѣ, Иванушка! — сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно весель?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходятъ ничего, а мнѣ больше ничего и не надо, только бы батюшка Никола угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своей дорогой. Шли, святые, по полямъ, по раздолю весеннему.

Говорить Илья Николѣ:

Что этотъ сказалъ? Развѣ пшеницу ты родишь?
Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

Какъ его судить, —заступился Никола,— человекъ простой, гдѣ ему знать про такое!

Ну, ладно-жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣна будетъ, и градомъ прибью!

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу: посмотришь, душа не нарадуется.

„Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послалъ, Никола угодникъ помиловалъ, хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда“.

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни поетъ. И видѣть: по вечернему полю идетъ стариочекъ сѣденкій съ посохомъ.

Добро жаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу: все, вѣдь, прахомъ пойдетъ.

Слушай, Иванушка,—ты пшеницу продай!

Какъ же такъ,—оторопѣлъ Иванъ, такую хорошую! Да и что за такую просить?

Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же, продай!—и пошелъ.

Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу: сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И не кончился день, какъ возмыло тучу большую, какъ ударить, съ громомъ прошла гроза, градомъ побило пшеницу —какъ ножемъ, весь хлѣбъ срѣзано.

По разоренному полю идетъ Никола, а навстрѣчу Илья.

Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ, вотъ оно, поле Иваново!

Нѣть, не Иваново, сказалъ Никола,—пшеницу онъ продалъ, это поле Гундяево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачетъ.

— Ну, такъ поправлю я ниву,—поправиль Илья,—онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ начнетъ съ десятины.

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану: жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется.

А Иванъ Угоднику молится, что того старишка надоумить такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался, проситъ на ночлегъ остататься.

Нѣть, Николѣ не время,—пусть ему дальній.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится. Въ убыtkѣ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старика и чуть свѣтъ къ соѣду откупать назадъ пшеницу. А тотъ, несчастный, радъ-радехонекъ,—бери хоть даромъ!—да за полцѣны и отдалъ. Отдалъ и прогадалъ, несчастный.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла, и такой уродился хлѣбъ высокій, да частый, а колосье полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется золотая нива, благодать!

И въ страду много Иванъ нажаль споповъ и выжалъ всю, двадцать сотъ нажаль.

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью: грозный, весело смотрить.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродиль, онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ; кто посѣяль, тотъ и пожалъ! Вѣдь, пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ...

— Такъ и купилъ! — и рассказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдъ Гундяевъ въ несчастьѣ за полцѣны Ивану громобойное поле отдалъ.

— Такъ я жъ ему умолоту не дамъ!
И пошелъ гроза! — какъ гроза.

Не оставилъ Никола бѣднягу, въ ночи пришелъ подъ окно. Куда сонъ, — не знаетъ Иванъ, какъ отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — училъ старишокъ, сади на овинъ, да не помногу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятимъ окошко заткни.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотиль и все обмолотиль: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ! — Да такого умолоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбарамъ дознался Илья и не дай Богъ! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезетъ на мельницу, я ему примолу не дамъ!

И не далъ. Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молоть, смололъ, а осталось двѣ. Куда третья? А не знаетъ, что Илья взялъ.

Раздумывалъ бѣдняга и придумать ничего не могъ.

Въ ночи старишокъ постучалъ подъ окномъ. Обрадовался Иванъ и все ему рассказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога, да съ молитвой посади. И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову — то Илья великому, а другой подъ правую пазуху — то Николѣ угоднику.

Вотъ на Николу, раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь

къ обѣднѣ. По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу не старъ, не младъ, грозный.

Куда пирожки-то несешь?

На головѣ батюшкѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой Николѣ угоднику!—сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирился и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски, двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало Николинъ даръ милостивый.

Николина сумка.

I.

ель солдатъ съ войны домой. Дошелъ до часовни, вспомнилъ, — завѣщана у него была Николѣ свѣчка, поставилъ свѣчку, и денегъ у него ужъ ни копѣйки.

Идетъ перелѣскомъ, ѿсть захотѣлось сильно, а жилья близъ нѣту. И такъ ему горько: изойдеть онъ голодомъ, не дойти и до дому на свою землю.

И вдругъ ёдетъ конь вороной, на конѣ дѣтина, ѿсть пирогъ съ яйцами и говядиной — пирогъ теплый, только парокъ идетъ. Поровнялись.

Дай пирожка закусить! — проситъ солдатъ.

Давай три копѣйки, половину отломлю.

Денегъ у меня нѣтъ, а солдату не грѣхъ и такъ дать.

А тотъ дернуль лошадь и побѣжалъ, самъ подѣдастъ пирогъ вкусно.

И пошелъ солдатъ ни съ чѣмъ, гдѣ грибокъ сломаетъ, гдѣ корочку сдеретъ, сочку поскоблитъ руками. Такъ и шелъ и вышелъ на дорогу, а отъ сырья все нутро переворачиваетъ.

„Экій безсовѣстный, не далъ мнѣ пирога!“ — пенялъ солдатъ.

И такъ ему горько, вотъ упадетъ, не дойти и до дому на свою землю.

И видить, изъ-за кривуля идетъ старишокъ. Поровнялись. Поклонился солдатъ старику и старишокъ солдату. И разошлись.

Доходитъ солдатъ до кривуля, лежитъ сумочки. Поднялъ сумку:

„Видно, старишокъ и потерялъ!“—да съ сумкой назадъ.

Сумку потерялъ! кричитъ,—сумку потерялъ!

А ужъ старишка не видно нигдѣ.

Ну, не бросать же добро, и взялъ себѣ солдатъ сумку.

Идетъ солдатъ дорогою, въ нутрѣ сверлить, ёсть хочется.

„Что-то въ сумкѣ, дай посмотрю, не хлѣбъ ли?“.

Развязалъ сумку хлѣба два куска лежатъ. Вынулъ хлѣбъ, позаправился.

„Кваску-бы испить!“.

Пошарилъ въ сумкѣ бутылка. Вынулъ бутылку—квасъ. Вотъ такъ сумка! Попилъ кваску всласть и весело пошелъ: теперь-то дойдетъ на свою землю.

II.

Доходитъ солдатъ до усадьбы. Поставленъ новый домъ—большое зданіе, а рамы всѣ переломаны, на крышѣ воронье.

„Какое зданіе, и пустуетъ!“ заглядѣлся солдатъ и въ толкъ не возьметъ.

Постоялъ и пошелъ. Навстрѣчу староста.

— Чей это домъ, дѣдушка?

— Нашего барина домъ.

— Что же въ немъ не живутъ?

— А работали мастера съ бариномъ, самъ баринъ старался, и ни вѣсть съ чего полонъ домъ насажали чертей, оттого и не живутъ.

А что бы ихъ оттуда проводить изъ дома?
— Возьмешься, баринъ спасибо скажетъ.
Попробую. И не такое гоняли!
Староста побѣжалъ къ барину.
-- Берется солдатъ вывести чертей изъ дома.
-- Слава Богу, коли берется! Возьми его къ себѣ и,
что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста отъ барина и повель къ себѣ солдата.
Сѣли обѣдать. И до самаго вечера все сидѣли, раз-
сказывая староста о домѣ да о чертяхъ домашнихъ.

Надо солдату итти въ домъ чертей выгонять. А ста-
роста и проводить отказывается.

— У насть,— говоритъ,— о эту пору не то, что къ
дому, а и около никто не ходить. Игнашка, внушенокъ,
взялся воронье спугнуть: подставилъ лѣстницу, а они
его оттуда какъ шуркнутъ, что душа вонъ. Игнашка и до
сей поры у чертей тамъ.

Ну, что подѣлаешь! Наказалъ солдатъ старостѣ,
чтобы какъ можно горячѣе кузнецы грѣли горна, а самъ
взялъ солому, ключи и для случая топоръ, зажегъ фона-
рикъ и пошелъ одинъ.

И въ домѣ тамъ отперъ дверь и поднялся по лѣстницѣ.

III.

Xодить солдатъ по комнатамъ и все поахиваетъ.
— Проклятая сила, какое зданіе завладѣла!

Вошелъ въ самую заднюю комнату, затворилъ за
собою плотно двери, разостлалъ солому, окрестился,
сумочку подъ голову, легъ и задремалъ.

И слышитъ, по дому пошелъ шумъ, стонъ.

Вотъ какой-то подѣжалъ къ дверямъ, кричитъ:

„Ребята,—кричитъ, — это кто-то есть“.

И набѣжало много, скребутся.

„Ой,—запищалъ одинъ,—солдатишко!“

„Не солдатишко, а солдатъ, Иванъ Силантьевичъ Тарасовъ,—прикрикнулъ солдатъ,—воеваль за Россію, слышите, черти! Убирайтесь вонъ, пока цѣлы!“

Отвалились отъ двери и въ домѣ все затихло.

И снится солдату, какъ бы держитъ онъ бутылку и наливаетъ стаканъ вина и только сказать „Господи благослови“ и пить, хватъ, а вмѣсто стакана топоръ у него въ рукахъ. И идетъ, въ которомъ полку онъ служилъ, генераль и съ нимъ мать и отецъ его, старики.

„Ты, Тарасовъ, что-жъ это сбѣжалъ?“

Мать и отецъ просятъ:

„Ступай, Ванюшка, послужи!“

„Нѣть, ему не жаль васъ, говорить генераль,—эй, вздуйте ихъ хорошенько!“

И откуда ни взялись три кривыхъ бѣсенка и ну ломать и рвать старииковъ.

Заплачали старые и опять просятъ:

„Вернись!“

„Да у меня руки нѣть и грудь прострѣлена!“—отвѣчаетъ солдатъ и глазамъ не вѣрить: рука на мѣстѣ и дышать легко.

А тѣ разсмѣялись и побѣжали прочь.

Солдатъ раскрылъ глаза: своды у дома раздвинулись и, какъ паукъ, спускается на него тотъ самый дѣтина, что пирога ему не далъ, спускается паукомъ, путаетъ и ужъ дышать стало трудно. И пало въ умъ солдату, сгребъ онъ сумку, да паука и толкнулъ.

Паукъ обернулся кошкой. Онъ ее за хвостъ, да въ сумку. И съ сумкой бѣжать.

Прибѣжалъ солдатъ въ кузницу, положилъ сумку на наковальню. А въ горнѣ до того горитъ, что страсть. Да какъ лопнулъ, кувалда вылетѣла. Схватиль другую.

Аминь,—говорить, и давай шлеять: что кокнетъ, то аминь.

И сколотилъ всего черта, вышелъ изъ кузницы, вытряхнулъ изъ сумки пепелокъ одинъ только.

— Ну, теперь можешь итти, кузнецъ, спать и я пойду.

И вернулся въ домъ въ самую заднюю комнату и на тѣ же три обмолотка легъ и спалъ до утра, ничего не слышалъ.

На утро пришелъ солдатъ къ старостѣ.

— Ступай-ка, дѣдушка, смотри-ка, въ домѣ все изломано.

Мы это знаемъ ужъ.

— Скажи барину, что чертей я выгналъ.

Обрадовался баринъ и сейчасъ же съ солдатомъ въ домѣ, прошли по всѣмъ комнатамъ, нашли костье Игнаш-кино, а чертей и въ поминѣ нѣтъ всѣ ушли.

На радостяхъ не хочетъ баринъ отпускать солдата.

Сколько хочешь, бери, оставайся!

А солдату домой хочется, къ старикамъ, на родную землю.

Даль ему баринъ денегъ, зяпраягъ тройку, и поѣхалъ солдатъ домой на тройкѣ. И тамъ живеть хорошо, слава Богу.

Николинъ огонь.

одиль но Божьему свѣту Никола Угодникъ. Много прошелъ, весь свѣтъ исходилъ и осталось всего ничего — три деревни. Зашелъ онъ въ первую деревушку. Окружило ребяты.

Тальянецъ, кричать пришель, на шарманкѣ заиграетъ.

Выскочили мужики и бабы, обступили.

Эй, старичокъ, гдѣ у тебя машина: камаринского намъ бы сыгралъ, а мы бѣ поплясали! ржутъ, что жеребцы стоялые.

Обидно стало Угоднику, и пошелъ онъ въ другую деревню. А тамъ не слаще: никуда его не пускаютъ. А ужъ на дворѣ вечеръ.

Въ одной избѣ боятся,—чертей напустить, въ другой—стянетъ, въ третьей цыганъ переодѣтый, а въ четвертой—мужикъ за колъя принялся.

Идетъ Никола въ третью деревню.

Идетъ по деревнѣ, а на него пальцемъ.

А въ одномъ домѣ совсѣмъ было постили.

Крестъ-то на тебѣ есть?

— Есть.

— А ну-ка, перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай „Да воскреснетъ Богъ“.

Прочиталъ.

А прочитай „Вѣрую“.

Прочиталъ „Вѣрую“.

— А „изжени отъ меня всякаго лукаваго“ знаешь?

Старичокъ-то и запамятовалъ.

— Нѣтъ, говоритъ хозяинъ, вонъ уходи: „Вѣрую“ не рѣчино читаль и „изжени“ совсѣмъ не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я такихъ не люблю.

А на дворѣ ужъ ночь — глазъ выколеши. Вѣтеръ воетъ.

Забрель Угодникъ въ послѣднюю избу. Бобыль одинъ жилъ. Покормилъ старичка бобыль, принесъ соломки и шубу далъ. И легли спать.

Раннимъ ранешенъко поднялся бобыль рожь молотить. Всталъ и Никола, помогать пошелъ бобылю за хлѣбъ, за соль. Махали, махали цѣпомъ, уморились.

Вотъ что, добрый человѣкъ, дѣлай-ка ты помоему! взяль Никола спичку и поджегъ скирды.

Запылали скирды, горятъ — бѣлый огонь, — а не сгораютъ: соломинка къ соломинкѣ ложится, зернышко къ зернышку.

И черезъ какой часъ всѣ скирды сами обмолотились, — зерно чистое, крупное и вѣять не надо.

Распростился съ бобылемъ Угодникъ и отправился въ свою путь-дорожку.

А на завтра разсказалъ бобыль сосѣдямъ о своемъ гостѣ о старичкѣ чудномъ, какъ онъ хлѣбъ молотилъ.

Попробуемъ и мы этакъ помолотить! рѣшили мужики.

И подожгли скирды.

Запылали скирды, а отъ нихъ избы.

И отъ всей деревни остались одни столбы.

Николинъ умолотъ.

Нѣвъ Ильинъ или такъ тому отъ Бога быть положено для опамятованія людямъ и разуму, большая была засуха и сгорѣла рожь и овсы.

Кто побогаче, возили воду и поливали, и у тѣхъ на нивѣ еще кое-что уцѣлѣло, а у бѣдняковъ ничего чисто поле.

Сидять мужики на кулишкахъ, о своей бѣдѣ гуторять.

А шель съ поля старишокъ-страникъ. Пріостановился.

Что это вы, добрые люди, пригорюнились?

А видѣлъ, чай, на поляхъ-то что дѣется! Неоткуда намъ и помощи ждать.

Посмотрѣлъ старишокъ, головой покиваль: пожалѣлъ видно.

— А давайте, дѣтушки, мнѣ ржи горстку! — сказалъ старишокъ.

А тѣ и не знаютъ, зачѣмъ ему рожь? Ужъ не подшутить ли задумалъ надъ ними старишокъ: народъ-то нынче всякий — и надъ чужой бѣдою посмѣяться радость себѣ найдеть.

А другіе говорять:

Принесите ржи, можетъ, наговоръ какой сдѣлаетъ.

И согласились. Кликнули ребяты. Полное лукошко принесли.

Взялъ себѣ старишокъ ржи горстку.

— Проведите, говорить,—меня ко всякому дому, мнѣ посмотрѣть надобно.

Пошли, повели старика.

И ни одну избу не обошелъ стариkъ и вездѣ на загнеткахъ у запечья по зерну клалъ. А къ ночи ушель. Хватились покормить старика, а его ужъ нѣть нигдѣ.

Такъ и легли спать.

Такъ и прошла ночь.

А когда на утро проснулись и проснулась съ ними горькая дума,—что за чудеса! глазамъ не вѣрять: рожь во всѣ устья вызрѣла и въ каждомъ домѣ, гдѣ положилъ стариkъ зернышко, колосъ изъ трубы выглядываетъ и на божницахъ лампадки горятъ передъ Николою, а на поле посмотришь, залюбуешься,— колосъ къ колосу.

Богъ помиловалъ, уродилъ хлѣбъ. И умолотъ былъ, не запомнятъ: по полтысячи мѣръ всякой набилъ. Поминали странника старичка, Николу Милостиваго.

Николина порука.

I.

А яромъ яру высоко жиль-былъ богачъ Антипъ. Скупой и расчетливый, сколачивалъ Антипъ деньги и даромъ, хоть помирай, не дастъ, подъ работу не дастъ.

А былъ бѣднякъ Сергѣй, и до того дошелъ голодомъ, хоть помирай. Вотъ думалъ онъ, думалъ, какъ изъ бѣды выкарабкаться, и говорить женѣ:

— Я, Марья, пойду къ Антипу.

— Глупый, да вѣдь онъ же такъ никому не даетъ.

— Дасть. Я придумалъ.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй къ богачу просить денегъ.

— Антипъ, батюшка! Не дай помереть съ голоду.

— Нѣтъ, братъ, я денегъ никому не даю, никогда.

— А ежели я тебѣ приведу поруку?

— А кто такой?

Никола. Есть у меня, на божницѣ стоить образъ, Никола. Онъ за меня и будетъ порукой.

Антипъ погладилъ бороду, прямо-то отказать не смѣеть: набожный былъ человѣкъ Антипъ, въ божественномъ твердый.

— Ты ужотко приходи вечеркомъ, я подумаю.

— Хорошо, приду, — согласился Сергѣй.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй домой: будутъ у нихъ ужотко деньги, поправятся, не помрутъ съ голоду.

Антипъ-то мнѣ поддался: велѣлъ притти вечеромъ!— думалъ Сергѣй жену обрадовать.

Что же ты сказалъ ему?

А поручился Николой.

Ой, что ты надѣлалъ!

Глупая, кому, кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

Вечеръ насталъ. Снялъ Сергѣй образъ съ божницы.

Марья, одѣвшись потеплѣе, да иди за мной, стань тамъ у избы подъ окномъ, и слушай, и когда услышишь: „Батюшка, Никола Чудотворецъ, скажу, поручись за меня!“, ты тамъ и отвѣчай толстымъ голосомъ, погромче, „поручаюсь“, молъ.

Закуталась Марья въ теплый платокъ, а сама дрожьмя дрожитъ.

Да ты не бойся! Кому, кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

И пошли.

Пошелъ Сергѣй съ образомъ, съ Николою за нимъ Марья.

II.

Темно было на улицѣ. Мело, крутила метель.

Осталась Марья стоять на улицѣ, Сергѣй съ образомъ къ Антипу въ домъ вошелъ.

До вашей милости.

— Ну, а поруку привель?

Сергѣй поставилъ образъ на божницу. Тутъ хозяйка Антипова вошла въ горницу. Помолился Сергѣй.

Батюшка Никола Чудотворецъ, поручись за меня!

Поднялся и Антипъ на ноги, глядить на икону: поручится ль Угодникъ?

Поручаюсь! — услышали голосъ, тихимъ голосомъ сказалъ тамъ кто-то, а внятно, всѣ его услышали: и Сергѣй, и Антипъ, и Антипова хозяйка.

Оробѣлъ Антипъ.

— Жена, слышала?

— Слышу.

А много ль тебѣ, Сергѣй, надо?

Много, оробѣлъ и Сергѣй: что-то не узналъ онъ Марьина голоса, — много: сотню!

Дай ему двѣ, — сказала хозяйка Антипова.

Антипъ отперъ сундукъ и вынуль двѣ сотенныхъ.

— Сроку время на сколько?

— До новаго года, — сказалъ Сергѣй.

И съ деньгами вышелъ на улицу.

Темно было на улицѣ. Мело, крутила метель.

— Пойдемъ домой, Маша! — тихимъ голосомъ сказать Сергѣй женѣ.

А Марья дрожьмя дрожитъ.

На другой же день накупили они всего себѣ — съ деньгами все можно достать — и сахару, и мѣки, и крупъ всякихъ, и дровъ купили, — то-то огонекъ въ печи заиграетъ весело! — и стали жить, да поживать.

III.

Прошло Рождество, подходитъ Новый годъ, надо долгъ платить, а платить нечѣмъ. Расчитывалъ Сергѣй, вотъ поправится, заработаетъ, — кое-что и выручишь, да такую уйму гдѣ же достать: цѣлыхъ двѣ сотни!

И насталъ Новый годъ, не несетъ Сергѣй долгъ.

Подождалъ Антипъ день, и еще день, досадно ему: какъ, вѣдь, повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

На третій день Антипъ взялъ образъ Николы и понесъ на базаръ. И весь день ходиль по базару, и никто не купилъ образа. И досадовалъ Антипъ, пеняль Николѣ:

„Какъ же такъ, лично говорилъ, ручался за бродягу, и такой обманъ!“.

И ужъ не надо ему никакихъ денегъ, только бы сердце успокоить: какъ, вѣдь, повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

Позднимъ вечеромъ идетъ Антипъ назадъ домой, несетъ икону, себя не помнить, а на-встрѣчу ему старичекъ.

Ты куда, сынокъ?

Продаю образъ, сказалъ Антипъ, какъ говорилъ весь день.

— А сколько возьмешь?

— Ничего мнѣ не надо.

Старичекъ взялъ икону, вынулъ двѣ сотенныхъ, подалъ Антипу.

Ну, иди съ Богомъ, сынокъ.

Пробирался Антипъ по рѣкѣ къ дому, совсѣмъ ужъ темно было, крѣпко держаль въ кулакѣ деньги. Запоршило у берега, — тонкій ледъ, скользко, — поскользнулся Антипъ, присѣлъ, а подняться не можетъ. И такъ и сякъ, не можетъ. И ну кричать. На крикъ сбѣжались, узнали, и понесли его на рукахъ домой.

И съ той поры обезножилъ Антипъ и никакія деньги не подымутъ. Такъ и остался сиднемъ страдать.

Николино стремя.

I.

иль-быль бѣдный мужиченка, Моргуномъ прозвали. Бился, старался Моргунъ до кроваваго поту, а ни въ чемъ счастья нѣтъ.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, Ѣдеть Никола Угодникъ.

— Богъ помочь, мужичекъ!

Милости просимъ! Куда Ѣдешь, Угодникъ?

— Къ Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса, есть ли мнѣ въ чемъ счастье?

Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

Не позабуду.

А видѣль мужиченка: стремена въ сѣдлѣ у Николы золотая.

— Милостивый Никола, отвяжи стремено, да оставь мнѣ! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремена нѣтъ, ты обо мнѣ и вспомнишь.

Послушалъ Угодникъ, отвязалъ стремя, отдалъ мужиченкѣ, и обѣ одномъ стремени поѣхалъ къ Спасу.

И пріѣхалъ Угодникъ къ Спасу, и пора ему назадъ возвращаться, и забылъ онъ спросить про счастье-то. А сталь на коня садиться, и вспомнилъ.

— Спасъ Пречистый, Истинный! Мужиченка Моргунъ мнѣ наказывалъ про счастье спросить, несчастный, есть ли ему счастье?

— Есть, есть счастье.

— Какое же ему счастье?

— А ему счастье—воровать и божиться.

II.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, ждетъ Николу: Никола Угодникъ скажеть про счастье, отошаль совсѣмъ мужиченка.

А Никола Угодникъ и ъдетъ, подъѣхалъ къ мужиченкѣ.

— Спросилъ, милостивый Никола, у Спаса о счастьѣ?

— Спросилѣ, спросилъ. Есть тебѣ счастье.

— Какое же мнѣ счастье?

А счастье твое—воровать и божиться. Давай же стремено-то?

А Моргунъ стоитъ, ровно оглохъ.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вотъ те Христосъ, знать не знаю. Стремено!

Такъ обѣ одномъ стремени и поѣхалъ Никола, поѣхалъ по землѣ русской, по бездолью нужду вывѣдывать, скорый помощникъ и милостивый.

III.

Мужиченка вывѣсилъ на коль золотое стремя—какъ солнце, засіяло стремя — самъ принялся за городьбу.

А ъхаль по дорогѣ изъ Питера баринъ на тройкѣ,— позванивалъ колокольчикъ. Издалека увидѣлъ онъ стремя и прямо направилъ на мужика.

Остановилъ коней у кола.

— Ты, мужикъ, укралъ стремя?

— Ваше благородіе, вотъ те Христосъ, стремено мое.

— Врешь, я тебя въ судъ поведу.

А Моргунъ стоитъ на своемъ, клянется, божится:

— Я и въ судъ пойду, стремено мое.

Снялъ баринъ стремя съ кола, мужиченкѣ велѣлъ садиться къ кучеру, и поѣхали въ судъ.

Дорогой приглядѣлся баринъ къ мужику.

— Ой, — говорить, — и рвань же на тебѣ! Стыдно и на судъ съ такимъ ъхать. На, вотъ, мое пальто, надѣнь.

И нарядилъ мужика, и шляпу и сапоги изъ чемодана ему вынулъ, все честь-честью, и не узнатъ.

Бариномъ пріѣхаль Моргунъ въ судъ. И доказываетъ на него баринъ, что не иначе, какъ укралъ онъ золотое стремя.

— Вотъ те Христосъ, мое стремено! — стоитъ на своемъ мужиченка.

И всѣ вѣрятъ.

Поглядѣль Моргунъ на барина.

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вотъ те Христосъ, и пальто и тройка мои!

И всѣ вѣрятъ.

Повѣрили мужиченкѣ и присудили ему: и золотое стремя, и барскую тройку.

Эво! обогатѣль мужикъ — нашелъ свое счастье и позабылъ про всякое горе.

НИКОЛИНО ПИСЬМО.

I.

Былъ Аника купецъ богатый; ъхалъ онъ разъ путемъ-дорогой домой съ барышами. Ъдеть онъ селомъ, а тамъ на банѣ надпись надписана:

„Рожаница лежала Авдотья Муравьева, мальчика родила — быть этому мальчику солдатомъ“.

Проѣхалъ Аника, ничего не подумаль. Въѣзжаетъ въ другое село, опять надпись:

„Рожаница лежала Палагея Архипова, мальчика родила — этому мальчику быть хозяиномъ.“

Ѣдеть Аника дальше, думаетъ о долѣ: рядить судьба человѣку долю, судьбы конемъ не обѣдешь.

Въ третье село въѣзжаетъ Аника, и тутъ баня, и тутъ надпись:

„Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика — этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть.“

Аникѣ это не показалось.

Какъ такъ, Котову моимъ добромъ и казной владѣты! Не согласенъ.

Все село подняль Аника. Указали ему Котову Наталью: на краю села, мужъ-то пропалъ, одна съ ребятишками билась, очень худо жила Наталья.

Аника ей денегъ даетъ: отдай ему мальчика. Поплакала Наталья и отдала: все едино, Богъ приберетъ!

Съ Ванюшкой Котовымъ поѣхалъ Аника домой. Щедеть лѣсомъ. Стоить осиновая дупля. Пріостановился, да Ванюшку въ дупло и спустилъ.

— Ну, слава Богу, перекрестился Аника, избылъ бѣду!

И ходчѣе поѣхалъ.

А случилось о ту пору, сосѣдскій попъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, наѣхалъ на осину, видить, изъ дупла парокъ идетъ, колонулъ, а тамъ Ванюшка плачетъ. Ну, сейчасъ же вытащилъ его изъ дупла, завернуль въ тулупъ и домой.

— Что, отецъ, прїѣхалъ порожнемъ? — встрѣчаетъ попадья.

— Молчи, мать! Я себѣ сына нашелъ.

А они бездѣтные были, попъ съ попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить. Воспитали его, обучили. Десять лѣтъ прошло, и выровнялся мальчишка на славу, дѣльный.

II.

Позабылъ богачъ Аника о Ванюшкѣ, живетъ, богатѣеть.

Пуще прежняго валитъ ему счастье и удача.

Вотъ она, судьба-то!

Зѣхалъ Аника по дѣламъ въ то село, гдѣ попъ жилъ. Зналъ попа Аника сколько лѣтъ, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отецъ, сына взялъ, ровно бы и не было у васъ?

— А вотъ Богъ сына далъ: въ дуплѣ нашли! — и рассказалъ попъ, какъ поѣхалъ въ лѣсъ по дрова. накнунлся на дупло.

Аника такъ и замеръ.

Воть она, судьба-то!

Да спохватился, просить у попа мальчишку. Смутиль попа. За полтысячи сторговались. И поутру увезъ Аника Ванюшку.

Куда его дѣвать? Гдѣ скоронить, чтобы ужъ до-чиста—концы въ воду?

Ѣдетъ Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылѣзъ. И Ванюшка за нимъ—воды напиться. Ванюшка нагнулся, а Аника сзади какъ пхнетъ. И угодилъ Ванюшка въ колодезь.

Ну, слава Богу, ушелъ отъ бѣды!—перекрестился Аника, да скорѣе домой.

И надо жъ такому бытъ— пожаръ. Запылала деревня. Набатъ. Всполошились крещёные, кто съ чѣмъ, и прямо къ колодцу. И какъ опустили первую бадью, такъ и вытянули Ванюшку. Глядь, а огня какъ и не было, чуть только курится.

Это,— говорять старики, для него и пожарь появился. Станемъ ка мы, крещеные, кормить его міромъ!

И остался Ванюшка жить въ деревнѣ. Изъ дома въ домъ - въ каждой избѣ ему домъ. Поили, кормили Двадцать лѣтъ прожилъ Ванюшка—этакій молодецъ вышелъ.

IV.

Тридцать лѣтъ Ванюшкѣ. Не признать его и родной матери, не узналь бы и попъ съ попадьей, а Аника и подавно.

Позабыль Аника, былъ или не былъ на свѣтѣ Ванюшка. Была судьба Ванюшкѣ владѣть его добромъ и казнай. Аника судьбу обошелъ.

Старый сталъ Аника, а счастья съ годами не убывало,—богатый купецъ Аника.

Бдеть Аника съ товаромъ на ярмарку въ ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговоръ о томъ, о семъ.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживалъ.

— Экій молодецъ-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говоритъ:

Не простой онъ у насъ, колодезный, изъ колодца вынули! — и рассказалъ Аникѣ про пожаръ.

Вотъ она, судьба-то!

Ударило больно Анику, онъ къ старостѣ: отдай да отдай молодца.

Ну, старостѣ чего,— бери. Даль Аника отступного тысячу, да съ Ванюшкой и покатиль домой.

Пріѣхалъ Аника домой, привезъ Ванюшку, самъ со своей старухой раздумался, чего бы такое сдѣлать, отдѣлаться отъ Ванюшки.

Въ монастырь бы его опредѣлить! — совѣтуешь старуха.

А и въ самомъ дѣлѣ, чего лучше.

И на слѣдующій день повезъ Аника Ванюшку въ монастырь. Знакомые были монахи, уважали Анику. Такъ въ монастырѣ Ванюшку и оставилъ: пускай за душу молитъ.

Полюбился Ванюшка въ монастырѣ, — хорошій рабочикъ. Два года прожилъ, на братію трудился.

V.

Два года прошло, сбылъ Аника Ванюшку, кажется, теперь чего ему бояться? А сердце непокойно: ъсть

ли, пьетъ, Ванюшка изъ памяти не выходитъ, такъ и видится ему баня, на банѣ надпись:

„Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика—этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть“.

И во снѣ Ванюшка снится. Ой, какъ страшно: стоить передъ нимъ, какъ живой, ничего не скажеть, только смотрить неотступно, какъ судьба безотступна.

„Рядить судьба человѣку долю, судьбы конемъ не обѣдешь!“.

— Вотъ что, старуха, поѣду-ка я въ монастырь провѣдать, не убѣгъ ли Ванюшка?

Собрался Аника и поѣхалъ, повезъ монахамъ угощенье.

— Ну, что, какъ Иванъ?

— Живъ, живеть хорошо, въ монахи постригаемъ.

— Что вы говорите: въ монахи? — у Аники отъ радости духъ захватило.

Тутъ подскочили къ Аникѣ, высаживать его пустились изъ коляски.

— Ахъ, говоритъ Аника, —бѣда какая: деньги-то я дома забылъ. Отпустите Ивана съ письмомъ, пусть онъ сходить домой, а я у васъ погощу.

Ну, монахи, что угодно, извѣстно: для богатаго да щедраго на головѣ пойдешь,—притащили и бумаги и конверты.

И написалъ Аника старухѣ: какъ будетъ Иванъ домой, послала бъ его въ лѣсъ, а слѣдъ за нимъ Шалануту, чтобы тамъ его и кончилъ.

Запечаталъ письмо, подалъ Ивану.

— Снеси старухѣ, передай въ руки, никому не показывай!

Съ письмомъ Аникинымъ пошелъ изъ монастыря Иванъ. Идетъ лѣскомъ. Задумался. Работко что-то. Глядь, старичекъ навстрѣчу.

Ласково посмотрѣль старичекъ.

— А, здорово, Аникинъ пріемышъ!

— Какой я Аникинъ пріемышъ, я монахъ.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да какъ я покажу? Аника не велѣль.

— Да дай же, говорю тебѣ.

Да такъ строго и праведно смотрить — это Никола былъ угодникъ, печальникъ о всѣхъ гонимыхъ.

Иванъ письмо ему и подаль.

Разорвалъ старикъ письмо.

— Вотъ, не давалъ, а тутъ бы тебѣ смерть была! — самъ отошелъ въ сторону, сталъ у сосны.

Иванъ ужъ и смотрѣть боится.

— На тебѣ письмо, иди съ Богомъ.

И пошелъ Иванъ понесъ старухѣ письмо не Аниконо, а Николино.

Пришелъ въ домъ Аникинъ, подалъ старухѣ письмо. А въ письмѣ будто пишетъ Аника, чтобы, не дожидаясь свѣта, шла бѣ къ попу да просила бѣ попа обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта.

Схватилась старуха, вывела дочку, благословила Ивана съ Софьеей.

А сама къ попу. Попъ было уперся: такъ скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, поинъ и размякнуль.

Извѣстно, для богатаго да щедраго все можно, — до свѣта Ивана съ Софьеей обвѣнчали.

И живутъ молодые день и другой и третій, полюбили другъ друга, дней не замѣ чаютъ.

А Аникѣ не терпится, хоть бы узнать поскорѣй, прикончилъ ли Шалапутъ Ивана? Прожилъ Аника въ

монастырѣ три дня, отблагодариль монаховъ — деньги-то при немъ были — и домой поѣхалъ.

Весель Аника: теперь ужъ окончательно развязался — лежитъ Иванъ гдѣ подъ кустомъ въ лѣсу, мертваго ъдятъ его звѣри.

Смѣшно Аникѣ, смѣется, вотъ она, судьба-то!

— Я — Аника!

Доѣхалъ до воротъ, да къ дверямъ.

Я — Аника!

Распахнулъ дверь, а на порогѣ Иванъ съ Софьей подъ руку, а за ними старуха.

У Аники въ глазахъ помутилось: какъ стоялъ, такъ и остался.

Вотъ она, судьба-то!

Едва отошелъ, присѣлъ на лавку.

— Что ты надѣлала, старуха!

— Твоя воля, Аника.

Да я жъ его велѣлъ въ лѣсъ завести Шалапутѣ.

Старуха письмо: „обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта“.

Его рука, самъ и писаль, самъ и подписывалъ.

Ничего понять не можетъ Аника. Ужъ не снится ль ему, или онъ ума рѣшился?

— Я Аника! — вскочилъ Аника, да опять на лавку и новалился.

А когда очнулся, призвалъ Ивана. И рассказалъ ему Иванъ о старицѣ чудномъ.

Никто, какъ Никола угодникъ.

Не можетъ Аника помириться, нѣтъ, самъ онъ спросить Николу, такъ это или обманываютъ его? И посыаетъ Ивана: пусть идетъ, отыщетъ Николу и попросить для него письмо — хочетъ Аника видѣть угодника.

VI.

Помолился Иванъ Николѣ.

Раннимъ утромъ простился съ женою и отправился въ путь: пусть Никола будетъ ему водитель.

Шелъ Иванъ путемъ-дорогой близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, доходитъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ: сидить въ лодкѣ дѣвица, почернѣла вся подъ вѣтромъ, сидѣть, держитъ весла.

— Перевези меня, красавица! крикнулъ Иванъ.

— А куда пошелъ, Аниkinъ пріемышъ?

— А иду я къ Николѣ. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша, перевезу тебя на тотъ берегъ, пойдешь берегомъ, выйдешь въ лѣсокъ и будетъ направо избушка, тутъ и увидишь.

Сѣлъ Иванъ въ лодку. Перевезла его дѣвица.

— Послушай, Ванюша, какъ будешь ты у Николы, спроси, сдѣлай милость, долго ли мнѣ перевозить еще, ой, устала! ни стать мнѣ и рукъ не разомкну.

Пообѣщалъ Иванъ—онъ не забудетъ, спросить угодника о срокѣ, и пошелъ, какъ указала дѣвица. И по тропочкѣ дошелъ до избушки, а тамъ сидѣть стариечекъ тотъ самый, что въ лѣсу стрѣлся.

— Далеко ль ты, Аниkinъ пріемышъ, пошелъ?

— Николу угодника ишу.

— Самый я и есть Никола. Что тебѣ, Ванюша, нужно?

— Аника послалъ къ тебѣ: проситъ письмо отъ тебя, хочетъ спросить у тебя. Мнѣ не вѣрить.

— Ну, что жъ, напишу, да чтобы скорѣе самъ приходилъ.

И написалъ угодникъ письмо Аникѣ.

Взялъ Иванъ письмо, сталъ прощаться.

— Да вотъ еще что: перевозила меня дѣвица, почернѣла подъ вѣтромъ, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить еще, устала она, ни стать ей и рука не разожметъ.

— А скажи ей Ванюша: какъ придетъ Аника, и стасть она со скамейки и руки отстанутъ отъ веселья. Да скажи ей, будетъ перевозить Анику, чтобы сказала: Аника, моль, богатый, погреби самъ, я отдохну малость.

Попрощался Иванъ съ Николой, тропочкой вышелъ къ берегу, а тамъ ужъ дѣвица ждеть. Сѣлъ Иванъ въ лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мнѣ срокъ?

Онъ ей все,— всѣ слова Николины.

— Скоро будешь свободна.

Поблагодарила дѣвица — черна отъ вѣтра.

— Спасибо тебѣ, Ванюша, дай тебѣ Богъ счастья.

VII.

Вернулся Иванъ домой, подаетъ письмо Аникѣ.

Обрадѣлъ Аника: самъ Никола угодникъ письмо ему написалъ, велитъ къ себѣ ѻхать.

— Я—Аника! кричаль Аника, старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня самъ Никола угодникъ приказываетъ.

Разсказалъ Иванъ Аникѣ путь-дорогу до Николы, и пошелъ Аника, понесъ мѣшокъ съ пирогами да съ сухарьками. Дошелъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ. Онъ въ лодку.

Аника богатый, погреби самъ, я отдохну малость! — сказала дѣвица и тотчасъ поднялась со скамейки и руки отошли отъ веселья.

Аника сѣлъ на ея мѣсто. И какъ сѣлъ, точно влипъ, и руки приросли къ весламъ.

Доѣхали до берега. Встала дѣвица, да на берегъ.

А Аника хочетъ подняться, и не можетъ.

Ты куда, дѣвка?

— Я тридцать лѣтъ перевозила, устала, теперь ты перевози свой вѣкъ, мнѣ будетъ.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, нѣть, не можетъ стать, и рука не оторвешь отъ веселья, И остался свой вѣкъ тутъ жить.

А Иванъ съ Софьей зажили богато: все добро, вся казна Аникина перешла Ивану— нареченная доля.

Никола-ночлежникъ.

I.

Нищаго накормить, напоить, а ночевать не просись, ни почемъ не пустить, — богатый мужикъ Егорычевъ. Всѣхъ ко вдовѣ отправлялъ бѣднѣющей, къ Адріановнѣ.

А приходитъ въ вечеру гость незванный — Никола угодникъ. Стучитъ къ богачу. Пустили нищаго. Поужиналь старичекъ, да на лежанку.

— Нѣтъ, братъ, погоди, — говорить хозяинъ, — у насъ этакъ не водится! Иди къ Адріановнѣ, тамъ тебѣ ночлегъ.

А старичекъ забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

И заснулъ.

И, какъ ни будили, ничего не подѣлаютъ. Ну, хоть силкомъ стаскивай. Такъ и отступились.

Поутру поднялся старичекъ и пошелъ. И весь день проходилъ, а къ вечеру опять стучится.

Пустили. Поужиналь и опять къ лежанкѣ.

— Нѣтъ, ужъ! — забранилась старуха, — моду нашелъ! Сказано: иди къ Адріановнѣ, тамъ ночлегъ.

А старичекъ и ухомъ не ведетъ, забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

Да только и слышали, — спитъ.

Обозлилась старуха: расквилиль ее нищій.

Ужъ погоди, явишься ужотка, полетишь за дверь!

Проспалъ старишокъ ночь, вышелъ, день по дворамъ околачивался, а ввечеру къ Егорычеву — гость незваный.

Отказать совѣстно. Уломалъ хозяинъ старуху. Пустили. Только старуха не дура, стала у лежанки: подступись-ка!

Поужиналъ старишокъ, да къ лежанкѣ, на старуху и наперся.

Иди къ Адріановнѣ, заорала старуха, — говорю тебѣ: у нея почлегъ.

А старишокъ изловчился, да черезъ старуху и махнулъ на лежанку.

— Мнѣ и тутъ хорошо!

Заснуль старишокъ.

И ужъ гладала жъ старуха хозяина всю-то ночь.

Нипочемъ не пущу. И не проси. Или сама сѣху. Попомнишь тогда. Нашель пріятеля.

Поутру поднялся старишокъ.

Ну, говоритъ, — Зиновей Григорьевичъ, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мнѣ въ гости.

А старуха усмѣхается.

Мало, говоритъ, къ нищему ходятъ въ гости.

Ну, что ты, Никифоровна, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ, я попотчу и хорошохонько.

Попрощался старишокъ и пошелъ.

II.

День за днемъ уснокоилъ старуху. И позабыли бъ о нищемъ старишке: мало ли ихъ всякихъ у Егорычева кормится. И вдругъ прибѣгаешь конь подъ окно, на сѣдлѣ письмо. Распечатать хозяинъ, диву дался.

— Отъ кого это тебѣ?

А помнишь, старуха, почлежникъ-то нищій стари-
чекъ, въ гости зоветь!

— Что жъ, поѣзжай, погости! — усмѣхнулась старуха, —
долго-то больно не загостись! усмѣхается.

Конь ждетъ подъ окномъ. Хозяинъ сѣлъ на коня и
поѣхалъ.

И привезъ его конь къ дому, — большой домъ, богатый.
Встрѣчаешь тотъ нищій стариочекъ.

А, — говоритъ, Григорьевичъ, пожаловалъ!

И стала его угощать: отъ роду такого кушанья не
ѣдалъ Егорычевъ. А послѣ угощенія на отдыхъ: завель
стариочекъ въ комнату, да на ключъ, одного и оставилъ.

А въ комнатѣ ни стула, ни постели, пусто. И такой
холодина, всю ночь продрожалъ несчастный.

Околю я тутъ безъ покаянія!

Показалась ему ночь за годъ.

На утро выпустилъ его стариочекъ и опять въ тепло,
и опять за угощеніе — пей, ѿнь, чего душенъка взниметь,
всего довольно. И ничего-то не убываетъ.

Настала ночь, пора спать.

И завель его стариочекъ въ комнату, еще хуже той:
темь и холодно, дунитъ — мѣста не найти.

Пропаду я совсѣмъ.

Показалась ему ночь за десять лѣтъ.

Едва утра дождался.

Стало свѣтать, явился стариочекъ. Слава Богу, осво-
бодилъ. И опять попалъ несчастный въ тепло. И прямо
за столъ.

И опять потчиваѣлъ стариочекъ, лучше еще.

А къ ночи спать.

Всталъ изъ-за стола, идетъ за старичикомъ.

„Господи, — думаетъ несчастный, — неужто и опять
на муку ведутъ?“

А старичекъ въ другое мѣсто ведеть, и оставилъ его одного въ комнатѣ. И до чего хорошо въ этой комнатѣ: тепло, манный духъ, и постелька-то мягкая, все бы и лежалъ.

И утро настало, пришелъ старичекъ, а уходить не-охота.

Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дѣдушка.

— А по тѣ-то ночи какъ?

А больно худо.

Первая очка — тебѣ мѣсто, а другая-то очка — твоей старухѣ, а эту очку спалъ Адріановнѣ. Отправляйся теперь съ Богомъ домой!

Попрощался Егорычевъ со старичкомъ, вышелъ изъ дома. Конь у окна. Сѣль на коня и домой. И до самыхъ воротъ донесъ его конь. А какъ слѣзъ, и конь уѣжалъ.

III.

Вошелъ Егорычевъ въ домъ. А его и живымъ не окладывали.

Обрадовалась старуха: не три дня, три года пропадаль безъ вѣсти.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчикъ, да зови Адріановну въ гости.

Поставила старуха самоваръ, побѣжала къ сосѣдкѣ.

Удивилась Адріановна: никогда еще не бывало такого.

Принярядилась, пошла къ сосѣдямъ.

Сѣли чай пить.

Что это случилось, потчуете меня?

А вотъ что, Адріановна, давай домами мѣняться.

Куда мнѣ: мой-то домишко худой.

— Да ужъ говорю, давай мѣняться: я — въ твой домъ, а ты здѣсь живи.

И уговорилъ Адріановну, осталась она у Егорычевыхъ въ домѣ богато жить.

А Зиновей Григорьевичъ со старухой въ ея келейкѣ поселился.

Ворчитъ старуха:

— Чего ты надѣлалъ, ума ты рехнулся!

Не понимаешь ты ничего, старуха. Мѣсто у нея хорошее, а у насъ худое. Намъ не измотать нашего добра своими руками, а она расточитъ, она опять заслужить себѣ мѣсто.

И все про старицка, про тѣ три ночи,—про какія ночи!—разсказалъ старухѣ.

И остались покорно жить въ нищетѣ и бѣдности.

Никола вѣрный.

I.

или-были два брата. Былъ одинъ братъ богатый, другой голый. У бѣднаго нечего ъсть, а ребятъ много. Приходитъ бѣдный къ богатому.

— Дай мнѣ на пудикъ, дѣти голодомъ сидятъ.

Тотъ ему не далъ.

Дома хозяйка ждетъ, ребятишки.

— Ну, что?

— Нѣтъ, братъ не далъ. Ложитесь, дѣтушки, голодомъ.

Плохо бѣдному, и не съ голода, съ тоски нездоровъ сдѣлался, полежалъ немного времени и померъ.

Приходитъ жена его къ богатому.

Померъ братецъ твой. Дай мнѣ на похороны рублика полтора! со слезами проситъ.

А хозяйка богатаго брата услышала.

— Дай, дай, — говоритъ, — ты бѣденъ не будешь, похорони брата.

Тотъ не даетъ.

И опять проситъ со слезами.

— Дай, пожалуйста, вотъ Никола Угодникъ свидѣтель! на икону показываетъ.

Тотъ повѣрилъ, далъ на похороны.

Везти покойника на кладбище было мимо города. Ёдетъ богатый братъ, лошаденку подхлестываетъ: разъ хлестнетъ да Николѣ Угоднику пеняеть:

— Ты, вотъ, ручаешься за этихъ людей, а чего я съ нихъ возьму?

Сидѣлъ въ лавкѣ молодой купеческій сынъ, слышитъ, и жалко ему, выскочилъ изъ лавки.

— Постой, — говорить, — дай проститься съ покойникомъ.

Простился, сталъ разспрашивать у богатаго, чего онъ такой, что думаетъ?

— Да, вотъ, я далъ на похороны, и деньги мои, видно, пропащія, а поручился Никола Угодникъ за нихъ.

Купеческій сынъ вынулъ деньги, рачиталъ его.

— Не считай за братомъ долгъ! — и просить отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взялъ купеческій сынъ икону и поставилъ къ себѣ въ лавку Николу Угодника. А какъ сталъ вечеръ, заперъ лавку и домой.

Дома встрѣчаетъ мать.

— Что, каково сегодня поторговалъ, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговалъ. Я икону купилъ, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купилъ?

— Купилъ я Николу Угодника.

— А гдѣ ты купилъ?

— А везли покойника, выбѣжалъ я проститься и купилъ.

— Дорого ли?

— Да за похороны отдалъ.

Ну, дитятко, это добро дѣло. Слава тебѣ, Господи, хорошо поторговалъ.

Легли спать. И видится матери сонъ.

„Возьмите, вы,—говоритъ,—приказчика, у тебя сынъ не въ полныхъ лѣтахъ, онъ его наставить въ торговлѣ. Вы выйдите на улицу, кто попадеть первый человѣкъ навстрѣчу, тотъ и будетъ приказчикомъ. Вы будете счастливы!“.

Утромъ мать разсказала сыну. Помолился онъ Богу и вышелъ на улицу. И никто не попался ему навстрѣчу. Отъ дома отошелъ порядочно, и вдругъ идетъ.

— Здорово, дѣдушка!

— Здорово, милый выношъ.

— Дѣдушка, не можешь ли мнѣ послужить?

Гдѣ, сынокъ?

— Да вотъ по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

— Старичокъ послушалъ, вернулись они въ домъ, заходять въ избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашелъ себѣ товарища! Дѣдушка, я тебѣ помолюсь, какъ Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взяться возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и дѣлай.

Мать на все согласна. И остался старичекъ съ ними жить въ домѣ.

II.

Поутру чуть свѣтъ будить старичекъ Ивана.

— Вставай, сынокъ, пора итти въ лавку торговать. Торговые люди долго не спятъ. Ишь разоспался!

Поднялся Иванъ и пошли. Осмотрѣлъ старичекъ лавку.

— У васъ благодать какая, можно торговать. Подпишите подъ меня все теперь—я полный хозяинъ.

Иванъ подписаль. И день торговали хорошо.

Вернулись вечеромъ домой. Собрала мать ужинъ. Сидяще втроемъ, ужинаютъ. И вдругъ приходитъ большой ея братъ.

— Зачѣмъ пришелъ, братецъ?

— Да вотъ въ Заморье король требуетъ.

— Зачѣмъ же онъ вѣсъ требуетъ?

— А потому, что онъ намъ долженъ. Мы вмѣстѣ жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросилъ стариочекъ.

А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился съ сестрою, простился съ племянникомъ и со старишкомъ, приказчикомъ ихъ.

Остались одни, Иванъ и говорить:

— А мы когда, дѣдушка?

Поспѣемъ.

И легли спать.

Поутру чуть свѣтъ будитъ стариочекъ Ивана:

Вставай, сынокъ, намъ надо ити на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иванъ, пошли они на корабельную пристань, долго ходили и выбрали корабль: сколько лѣтъ стоять этотъ корабль, не ломился.

— Намъ такой въ самый разъ: мнѣ, старику, и сыну молодому.

И сейчасъ на корабль заходять.

Дѣдушка, какъ мы поѣдемъ, нельзя пробраться!

— Проберемся.

Заволновалась корабельная пристань и сдѣлался имъ ходъ.

Удивились корабельщики.

— Что это у насъ, живучи, никогда не бывало!
Привалили они къ бережку, оприколили корабль.

— Молись, сынокъ, Богу, счастливы будемъ.

— Нашъ дядюшка теперь далеко идетъ!

Молись Богу и мы выйдемъ.

Къ ночи вернулись они домой. Встрѣчаетъ ихъ мать.

— Что, купили корабликъ?

— Купили.

— Слава Богу, взмолилась она къ Богу, нашли!

— Когда же, дѣдушка, будемъ отправляться?

А будемъ отправляться завтра.

Дождались они дня и на пристань, сѣли на корабль, простились съ матерью.

Господа корабельщики, дайте ходъ!

— Ступай съ Богомъ, дѣдушка, дорога готова.

И выѣхали они на море и пошли моремъ.

III.

Шель корабль честно. Ёдутъ они сутки и другія, и третья.

Погляди, сынокъ, въ подзорную трубку, что не видать ли?

Посмотрѣлъ Иванъ и увидѣлъ: чернѣетъ. Проѣхали еще и опять посмотрѣлъ.

— Дѣдушка, дядюшка нашъ идетъ!

— Ну, теперь поѣдемъ вмѣстѣ.

А и на кораблѣ у дяди увидѣли корабль.

Ёдетъ племянникъ и флагъ ихъ развивается! — узналь дядя.

И догнали и поѣхали вмѣстѣ.

Вотъ имъ изладилось ўхать мимо города недалеко.

Дѣдушка, намъ надо заѣхать въ городъ, купить кое-что, королю подарки,—говорить дядя.

— Ладно.

Мы безъ этого никогда не являемся, всегда подарки покупаемъ.

Остановились у города. Накупилъ дядя подарковъ, упаси Боже сколько.

— Дѣдушка, а мы что повеземъ?

— Чего повеземъ? Что повеземъ, то и ладно.

— А какъ же мы поѣдемъ, купить надо что.

Ну, да ладно, и такъ доѣдемъ,—и велѣлъ дядѣ впереди плыть.

Отѣхали дядя и они за нимъ слѣдомъ. Подѣхали къ горѣ, взяль старичокъ желѣзную тростку.

На, сынокъ, рой, въ горѣ.

Иванъ ткнулъ — и повалились каменя въ корабль.

Теперь, сынокъ, будеть съ насъ.

И опять поѣхали. И скоро достигли королевскаго города. Поглядѣль Иванъ въ подзорную трубку.

Вотъ и дядюшкинъ корабль, а намъ нѣту мѣста, негдѣ стать.

— Ну, да станемъ.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку, потихоньку!—закликали корабельщики.

Такъ и вошли и стали рядомъ съ кораблемъ дяди.

Пора было заявить, что такие-то купцы явились, пора было итти къ королю съ подарками. Дядя забралъ свои подарки и пошелъ.

— Дѣдушка, а мы-то съ чѣмъ пойдемъ?

— А поди, сынокъ, купи двѣ чашки хлѣбныя, что хлѣбы валяютъ.

Иванъ пошелъ на базаръ, купилъ двѣ чашки.

— Ладны ли, дѣдушка?

— Ладны, ладны, умѣлъ выбрать!

И набралъ камушковъ чашку, другой закрылъ.

На, сынокъ, понеси королю подарки.

--- Что ты, дѣдушка, какоѣ это королю подарки?—и стыдно-то ему съ этими-то чашками и каменемъ, да и ослушаться не смѣеть, и пошелъ.

Приходитъ къ королевскому дворцу.

— Чего ты нѣсешь?

— Подарки королю,

— А что ты, какоѣ это подарки королю! Онъ тебя выгонить.

— Не ваше дѣло.

И пропустили его, доложили королю.

Король выходитъ, на него смотритъ.

Извольте отъ меня принять подарки!— и подаетъ королю чашки.

Принялъ король подарки и, какъ раскрылъ чашку, такъ въ горницѣ и осіяло. Очень обрадовался король и королева обрадѣла. И въ назначенное число расчиталь король Ивана и его дядю и отпустиль на корабль съ миромъ.

IV.

А была у короля дочь— сколько годовъ въ разслабленіи лежала!— и была перенесена она въ церковь, какъ не живая.

И объявляеть король:

— Кто будетъ ночью мою дочь караулить, я того человѣка награжу. А выздоровѣеть, отдамъ въ замужество за того человѣка.

Услышалъ Иванъ и говорить:

— Дѣдушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну, куда лѣзешь!
Нѣтъ, дѣдушка, пойду.

— Ну, ладно, Богъ помилуетъ, на уголекъ, очертись, очертити и ее, да купи куль груши и возьми съ собою въ церковь! — и еще даль старишечкъ книгу: читать святырь до послѣдняго слова, и, что бы ни было, не давать отвѣту.

Купилъ Иванъ куль груши и къ ночи отправился въ церковь, разсыпалъ по церкви грушу, очертился, очертилъ королевну и сталъ читать святырь.

Въ самую полночь вдругъ выходитъ...

„Отъ нашего короля обѣдъ сегодня намъ!“

И слышитъ Иванъ, начали собирать грушу, хряпаютъ. И скоро всю подобрали. И увидѣлъ Иванъ огоньки, ровно свѣчи, по всей церкви, и сдѣлался шумъ, верескъ, кричать:

„Ой, ъѣсть нечего, давайте съѣдимъ ихъ!“

И увидѣлъ Иванъ не огоньки, а самъ все читаетъ. Буквы, какъ огоньки мелькали, а онъ все читаетъ. И донесъ до послѣдняго слова.

Аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ, Боже! — и закрылъ книгу.

Тутъ пѣтушки спѣли и ихъ не стало.

Ну, теперь, королевна вставай! — поднялъ ее за руки, поставилъ, и стали оба Богу молиться.

Ключи забрякали, двери отпираются, сторожа пришли. Сторожа пришли и видятъ — живы, стоять, оба Богу молятся.

Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногахъ стоитъ.

Бѣгутъ сторожа къ королю.

— Дочь здорова на ногахъ стоитъ!

Обрадовался король и королева обрадѣла: велѣлъ король запрягать коней самыхъ лучшихъ, везти дочь во дворецъ да Ивана.

И привезли ихъ. Вошли они въ горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говоритъ король, — ты ее освободилъ, я позволяю на ней жениться. И ты ужъ не Иванъ, купеческій сынъ, а королевичъ!

И повѣнчался Иванъ - королевичъ на королевнѣ и стали пиръ пировать. Тутъ только и вспомнилъ.

— Ой, у меня на кораблѣ есть дѣдушка довѣренный приказчикъ и дядя!

Ну, сейчасъ же поѣхали за ними, подхватили подъ ручки, въ карету посадили и привезли во дворецъ — за гостей почитать будутъ.

— Эхъ, Иванъ - королевичъ, позабылъ ты дѣдушку! Повѣнчался на королевнѣ! — пенялъ стариочекъ Ивану.

Да, дѣлать нечего, не воротиши.

Тroe сутокъ пировали.

— Иванъ-королевичъ, хорошо гостить, да время отправляться?

— Когда, будемъ, дѣдушка, отправляться?

— Да на завтрашній день.

И на завтра велѣлъ король сказать на корабельной пристани, чтобы простору имъ было.

Удивляются корабельщики,

— Былъ Иванъ, купеческій сынъ, а сталъ Иванъ-королевичъ!

Вышли они на бѣлы дворы, сѣли въ кареты. Музыка впереди и войско. Пріѣхали на пристань, вошли на корабль. Простились съ тестемъ. Дядю впередъ отправили. Сѣлъ стариочекъ на руль, Иванъ-королевичъ сталъ на носъ и поѣхали.

Шелъ корабль честно. На кораблѣ войско и музыка. Иванъ - королевичъ, посмотри въ подзорную трубу.

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Дѣдушка, недалеко что-то чернѣетъ. Дѣдушка, островъ!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить. Пристали они къ острову и пировали.

Приказалъ старишечку войску наносить дровъ и приказалъ дрова сжечь. Разгорѣлись дрова на мелкій уголекъ жаръ сильный сталъ. Взялъ старишечку королевну, въ огонь бросилъ и сжегъ. И не стало королевны.

Одинъ остался Иванъ-королевичъ.

— Что же ты, Иванъ-королевичъ, запечалился?

— Да какъ же, дѣдушка!

— Не печалься, подождемъ немнога! — самъ дунулъ въ пепель и на двѣ грудки онъ сдѣлался, — можешь ли ты отгадать, какой пепель отъ дровъ, какой отъ человѣка?

Иванъ-королевичъ посмотрѣлъ и узналъ.

— Вотъ этотъ.

Ну молодецъ!

Взялъ старишечку пепель въ руку, кинулъ его въ воду. Пепель распылился по водѣ и здрава выскочила королевна изъ воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дѣдушка, я жива и здорова.

— Вотъ, Иванъ-королевичъ, теперь она жива и здорова. Молитесь Богу, ты — королевичъ, ты — королевна.

И благословилъ ихъ старишечку. Сѣли на корабль и дальше въ путь.

Корабль бѣжитъ и сердце радуется.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку, не увидишь ли что?

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ:

Мнѣ, дѣдушка, показывается что-то, чернѣеть
что-то.

Вотъ ближе и ближе.

— Ой, дѣдушка, нашъ городъ!

— Ну, и слава Богу, домой попали.

Вышелъ воинскій начальникъ встрѣтить ихъ съ вой-
скомъ, съ музыкой.

Сошли съ корабля. Королевичъ и королевна, стари-
чекъ, а за ними войско,

Иванъ-королевичъ, спросите, что мать ваша жива
ли? Домъ цѣль ли?

И сейчасъ распознали: старуха жива, а тамъ все кра-
пива и дома нѣть!

И выстроили новый домъ - дворецъ, жить, да пожи-
вать.

Простился стариочекъ, благословилъ и пошелъ, Никола
Угодникъ вѣрный.

А они и теперь живутъ.

Никола Милостивый.

I.

ель Христосъ съ Николою. Много прошли они сель, городовъ, много видѣли бѣды на землѣ. А тамъ, по раздолью полямъ весеннимъ такіе цвѣты цвѣли, красовали Божій міръ.

Шелъ Христосъ съ Николою по нашей землѣ.

Изъ дома въ домъ заходили странники, и не мало труда поднялъ Никола,—всякому поможетъ, никому не отказывалъ,—и оборвался весь, нищъ.

Ницими странники постучались въ избу на ночлегъ.

Тѣсно въ убогой избѣ, жила въ ней солдатка съ ребятишками, и хлѣба у нихъ не было, была краюшка одна да съ горстку муки, а въ хозяйствѣ корова-бѣлуха, да и та безъ молока.

У меня и покормить-то васъ нечѣмъ, и молока неѣть, все жду, вотъ, отелится бѣлуха.

Не кручинься,—сказалъ Христосъ,—всѣ будемъ сыты.

Сѣли за столъ, подала хозяйка послѣднюю краюшку.

И одна краюшка всѣхъ насытила.

— Вотъ, говорила, нечѣмъ будетъ накормить, гляди-ка, всѣ сыты, да еще и осталось!—радовался Никола больше матери и ребятишекъ сытыхъ.

Уложила мать ребятишекъ. Улеглись и странники. А сама пошла въ закромъ: не собереть ли муки на блины — угостить поутру странниковъ? И откуда что взялось:

было съ горстку въ ларѣ, а тутъ этакую махотку прінесла. Сдѣлала она растворъ. И наутро испекла блиновъ.

Вотъ видиши, и мука есть!—радовался Никола.

А ужъ какъ ребятишки-то блинамъ рады!

Попрощались странники и пошли себѣ дальше въ путь.

Шель Христосъ съ Николою зеленями, молодымъ полемъ зеленымъ. Какъ хорошо на землѣ въ Божьемъ мірѣ. Гадалъ Никола о урожаѣ.

Уморились странники и задумали передохнуть малость. А стояло у дороги большое хозяйство, тамъ же и мельница. Они на мельнице.

Увидалъ хозяинъ, видить, побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги, стащутъ еще чего! ворчалъ въ догонку, грозилъ собаками.

Такъ и пошли.

Такъ и пошли, куда повела дорога.

II.

Шель Христосъ съ Николою по нашей землѣ.

Къ вечеру привела ихъ дорога въ лѣсъ. На лѣсной полянкѣ прилегли странники. И ночь со звѣздами такими колыбельными покрыла ихъ.

По звѣздамъ отъ звѣзды къ звѣздѣ—гадалъ Никола о землѣ нашей, думалъ думу невеселую.

И вотъ среди ночи прибѣжалъ на полянку сѣрый волкъ, поклонился Христу и просить ѿсть: третій день ходить голодомъ.

— Господи, я ѿсть хочу! Господи, я ѿсть хочу!

Поди, волкъ, къ солдаткѣ, — сказалъ Христосъ,— изба ея съ краю при дорогѣ, есть у нея корова-бѣлуха, ту корову ты и сѣѣшь.

-- Господи милостивый, вступился Никола,— за что же такъ? Вѣдь, послѣднее отнимаешь, а ребятишки-то какъ тамъ заплачутъ! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогналъ онъ нась, и добра у него дѣвать некуда.

-- Нѣть, нельзя такъ, сказалъ Христосъ,— нѣть ей талана на семъ свѣтѣ, пусть бѣдуетъ до времени.

А волкъ, какъ услышалъ повелѣніе, да со всѣхъ волчьихъ ногъ бѣжать за ѿдой.

И Никола поднялся. Пошелъ посбирать хворосту, кosterъ разложить: что-то зябко ему. Зашелъ стариkъ за деревья, да по слѣдамъ волчинымъ бѣгомъ за волкомъ. Обогналъ волка,— волкъ-то куда еще: съ голодухи не очень-то прытко побѣгаешь! И поспѣль. Взялъ Никола бѣлуху солдаткину, вымазалъ всю грязью и опять поставилъ. А самъ назадъ. Тамъ набралъ хворосту. Да только не надо разводить огня и такъ тепло. Экая очкастая теплая! И задремалъ стариkъ.

И вотъ будить Христосъ:

-- Вставай, Никола, въ дорогу пора.

Не заставилъ ждать, легко поднялся Никола и на сердце ему, какъ заря горить: слава Богу, ни съ чѣмъ уйдетъ волкъ, и мать не заплачетъ.

А волкъ-то и бѣжитъ, сѣрый, кланяется.

Господи, нѣть у солдатки бѣлухи, а есть черная.

-- Такъ бери черную, —сказалъ Христосъ.

Шелъ Христосъ съ Николою по зарѣ утренней. Пробуждались цвѣты полевые и цвѣтики малые, красовали Божій міръ.

А тамъ на селѣ, сѣрый волкъ добрался до черной бѣлухи, зарѣзалъ и ѿль свою долю. И когда хватилась солдатка, отъ ея бѣлухи только рожки да ножки остались.

„Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его воля!“ принялъ несчастная свою горькую долю.

Шли странники въ гору. Шли молча. Трудно было Николѣ послѣ краткой ночи. Вела дорога все въ гору.

И когда поднялось солнце и краснымъ огнемъ ударило въ полміра, увидѣлъ Никола: катится имъ навстрѣчу бочка, а въ бочкѣ золото.

— Господи, куда это такое богатство?

— Мельнику,—сказалъ Христосъ,—ему это золото.

— Господи, удѣли хоть горстку той несчастной: безъ бѣлухи осталась, ребятъ больно жалко.

Нѣть, нельзя, — сказалъ Христосъ, — мельнику таланъ даденъ на семъ свѣтѣ и пусть ему будетъ довольно до времени. Такъ и быть должно.

Прокатилась бочка: какъ жаръ горить по дорогѣ.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все подъ гору и такъ до самой мельницы. Сгребъ мельникъ золото— золото къ золоту и не замѣтишь!—нѣтъ, ему мало бочки.

„Кабы десять бочекъ!“ —думаль мельникъ и старая забота давила плечи.

III.

Шелъ Христосъ съ Николою.

Труденъ путь: чѣмъ дальше, тѣмъ кручѣ гора. И хоть бы передохнуть часокъ! А идугъ и идутъ.

На зарѣ вечерней поднялись они высоко, къ самой вершинѣ.

Господи, я пить хочу!—взмолился Никола.

Ступай по той тропинкѣ, тамъ колодецъ, напейся!—сказалъ Христосъ.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христосъ,—едва ужъ ноги идутъ. И отыскаль Никола колодецъ, заглянулъ,

чтобы воды достать, а тамъ змѣи кишатъ. И отшатнулся. И увидѣлъ: тотъ самый мельникъ, мельникъ стоялъ у колодца—весь изодрался о камни и руки въ крови.

— Жажду! просилъ несчастный.

И ничѣмъ ему не могъ помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.

— Нѣтъ, Господи, тамъ нечистый колодецъ.

Христосъ ничего не отвѣтилъ.

И опять пошли. Еще выше, еще круче на еще большую гору.

Шли они по горѣ высоко надъ землею, поднялись они до звѣздъ высоко, и звѣзды такія близкія и такія грозныя разрѣзали путь.

Господи, Господи, я пить хочу!—взмолился Никола.

Ступай по этой тропинкѣ, тамъ тебѣ будетъ колодецъ,—сказалъ Христосъ.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христосъ,—падаетъ ужъ изъ послѣднихъ. И добрался, отыскалъ колодецъ, зачерпнулъ. А вода такая свѣжая, да чистая.

И не узналъ Никола мѣста: гдѣ камни? и нѣтъ пропастей! И до того хорошо кругомъ и свѣтъ такой свѣтлый—такой садъ, какъ рай. Сталъ и стоялъ, любуясь. И увидѣлъ: мать стоитъ у колодца, та солдатка, и такая, какъ самъ онъ, любуясь. И до того хорошо кругомъ и такой свѣтъ свѣтлый—такой садъ, какъ рай.

И вдругъ услышалъ голосъ.

— Никола,—звалъ Христосъ,—что же ты такъ долго стоишь?

— Господи, какъ долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года,—сказалъ Христосъ.

И они пошли съ горы опять на нашу землю.

Никола — Судия.

I.

иль-былъ Савелій-богатый, богатый человѣкъ. Жилъ онъ съ женою ладно. И состарились оба. И до того они были добры и жалостливы къ людямъ всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ кормили и поили, и въ долгъ давали, и назадъ долгу не требовали. А казна ихъ не убывала. И жили они спокойно.

Савелій и говорить старухѣ:

— Ну, старуха, иригрѣшили мы у Господа Бога. Кто бьется да старается, у того нѣтъ ничего, а мы сиднемъ-сидимъ и намъ все, ровно съ неба валится.

И проситъ старику старуху напечь пирожковъ да наслушать сухариковъ: пойдетъ онъ Николу Угодника разыскивать, пускай Никола разсудитъ, спросить у Спаса, что имъ за этотъ грѣхъ выйдетъ.

Напекла старуха пирожковъ, наслушала сухариковъ, истолкла сухарики въ мучку, насыпала мѣшочекъ. Простился Савелій со старухой и пошелъ искать Николу.

II.

Мало ли, много ли шелъ Савелій. Идетъ, раздумываетъ о своей богатой долѣ, и попадаетъ ему навстрѣчу разбойникъ.

— Что, стариkъ, гдѣ это Савелій-богатый живетъ?

— А тебѣ что въ немъ? — спросилъ Савелій.

— А иду я, обокрасть хочу богача.

— Я самый и есть! обрадовался Савелій, вынувъ ключи, — вотъ тебѣ ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взялъ разбойникъ ключи.

Ты-то самъ куда пошелъ?

Николу ищу, пусть разсудить — спросить у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ: кто мучается, бѣется, и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

Усмѣхнулся разбойникъ: „Рехнулся, моль, стариkъ съ сытости!“

И разошлись.

Отошелъ немного разбойникъ, раздумался.

„Господи, вѣдь, и мнѣ тоже не только на семъ свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ!“

И все припомнилъ, сколько онъ душъ погубилъ, и какъ ему все было мало.

Догналъ разбойникъ Савелія.

— Возьмите ключи-то назадъ!

Что же не пошелъ? — опечалился Савелій.

— Возьмите меня съ собой! сказалъ разбойникъ.

И пошли они вдвоемъ искать Николу: Савелій-богатый да разбойникъ.

Дошли до деревни. Ночь настигаетъ. Надо ночевать. Постучались въ избу. Въ избѣ одна хозяйка.

— Пусти насъ, хозяйка, ночевать!

— Милости просимъ, ночуйте, только кормить нечѣмъ.

— Намъ ничего не надо. У насъ свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила въ чашку воды, поставила на столъ.

Взялъ Савелій мѣшочекъ, насыпалъ сухариковъ въ чашку, помѣшиалъ-помѣшиалъ чашка полная сѣла, разбухли сухари. Поѣлъ Савелій, передаль разбойнику. Наѣлся разбойникъ. А чаша не убываетъ.

Идетъ хозяинъ. Какъ ступилъ на порогъ, затопалъ ногами и сталъ жену крошить.

-- Это у тебя что за гости? Самимъ єсть нечего, а эти разсѣлись, кормиши.

-- Не ругайся, хозяинъ, это у насъ все свое!—и предложилъ Савелій хозяину отвѣдать кушанье.

Присѣль хозяинъ къ столу, поѣлъ. И хозяйка наѣлась.

-- Мы такого и въ вѣкъ не єдали,—благодарятъ.

Ну, и разговорились: откуда и куда странники идутъ?

Савелій и говоритъ.

— Вышелъ я Николу искать, пусть разсудить—спросить у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ будетъ: кто мучается, бьется, и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

А разбойникъ говоритъ:

— А я вотъ на свѣтѣ столько душъ погубилъ, иду спросить, что мнѣ за это будетъ? Не на семъ только свѣтѣ жить мнѣ, а и на томъ свѣтѣ.

Переночевали ночь, наутро поднялись въ дорогу.

— Возьмите и меня съ собой,—просить хозяинъ,—и мнѣ не на семъ только свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ. Я во всю мою жизнь никого не напоилъ, не покормилъ: все боялся, что самимъ не хватитъ.

И пошли втроемъ: Савелій-богатый, да разбойникъ, да хозяинъ.

III.

Идутъ и идутъ. Отъ часу дорога лучше, и шире, и гла же, что карта.

Стоитъ домъ. Подошли къ дому. Нигдѣ ему конца нѣть—такой большой. Поднялись по лѣсенкѣ и попали въ коридоръ. И стоитъ тамъ стариочекъ сѣденкій, древній стариочекъ.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я,—говорить,—я. Что вамъ нужно?

— Спроси у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ: кто мучается, бѣтъся, и у того нѣть ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится!

— А я—разбойникъ. На этомъ свѣтѣ сколько душъ загубилъ. Спроси у Спаса, что мнѣ за это будетъ?

А я вотъ живу на свѣтѣ и никого не напоилъ, не накормилъ. Спроси у Спаса, что мнѣ за это будетъ?

Никола Угодникъ и говоритъ:

— Ночуйте, странники, тутъ вамъ будетъ покой.

И отворилъ дверь по правую руку и впустилъ туда Савелія. И отворилъ другую дверь и впустилъ туда разбойника. И отворилъ третью дверь и впустилъ туда хозяина.

Вошелъ Савелій въ комнату. И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховые.

Ходить Савелій по комнатѣ.

„Господи, это какъ царство небесное!“

Походилъ, походилъ, да и прилегъ на кровать. А по стѣнѣ у кровати какъ заборъ, а въ заборѣ щелка. Онъ въ эту щелку и смотрѣть: а тамъ комната еще лучше убрана.

Вошелъ разбойникъ въ свою комнату. Пусто, однѣ голыя стѣны и двѣ доски вмѣсто кровати. Походилъ, походилъ, да на дощечки-то и легъ. И какъ повалились на

него съ потолка сабли, тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи. Все на него валится и колетъ. Всю ночь продрожалъ.

Вошелъ хозяинъ въ свою комнату. У него, какъ у разбойника, голо. Легъ онъ на доски. И напала на него жажда и такой голодъ, — попадись какое животное, сырьемъ съѣлъ бы. Вскочилъ онъ. Бѣгаетъ, да стѣны грызеть зубами. Тошно.

Наутро выпустилъ Никола Савелія.

— Каково тебѣ, Савельушка, было спать?

— Охъ, Никола Милостивый! Какъ царство небесное.

— Это вѣчное мѣсто твое, а рядомъ—старухѣ твоей.

Ступай съ Богомъ. Будеть тебѣ покой.

Выпустилъ Никола разбойника.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать.

Всю ночь продрожалъ.

— Какъ отъ тебя невиннныя души тряслись, и умаливали тебя и упрашивали, а ты ихъ билъ, кололъ, давилъ. Теперь твой чередъ. Это мѣсто твое.

Выпустилъ Никола хозяина.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать.

Всю стѣну прогрызъ.

— Это за жадность твою: какъ тѣ, кому ты отказывалъ, самъ будешь мучиться голодомъ и жаждать. Это мѣсто твое.

И отпустилъ ихъ Никола.

Пошелъ разбойникъ свой грѣхъ замаливать. Не забыть и хозяину голодной ночи, пошелъ онъ къ своей хозяйкѣ — не поскупится, подѣлится съ несчастнымъ.

Вернулся Савелій домой.

И зажили попрежнему старики: поять и кормятъ бѣдноту, взаймы даютъ и долгъ назадъ не требуютъ. По-

прежнему идетъ народъ къ Савелію. Но ужъ что отдасть,
того нѣтъ и нѣтъ.

Все роздали, и хлѣбъ роздали, скота всего роздали,
всю казну роздали. И ничего въ домѣ болѣ нѣть. Оста-
лась только краюшка на столѣ, — только укусить маленько
тому и другому.

Перекрестился старикъ:

— Слава тебѣ, Господи, у насъ ничего теперь нѣть.

Перекрестилась старуха.

— Слава Тебѣ, Господи! Давай, старикъ, закусимъ
краюшечкой, да и пойдемъ въ міръ.

Закусили краюшкой, попрощались съ домомъ и пошли.

Идутъ старики мимо своего окошка и слышать въ
домѣ плачъ.

— Ой, кто же это тамъ!

Заглянули въ окно.

А тамъ мертвыя два тѣла лежатъ. Это души ихъ,
значить, пошли! Оба тѣла лежать рядышкомъ: Савелій да
старуха его. А надъ ними бѣднота, горемыки.

Никола Чудотворецъ.

I.

или-были три брата—купцы Ломтевы. Боль-
шую торговлю вели съ заморскими королями.
Три каменные дома Ломтевыхъ славились на
весь городъ. А старшого брата домъ всѣхъ
богаче. И былъ у него одинъ сынъ Василій.

Стали братья собираться на ярмарку. И говорить
старшой братъ братьямъ:

Возьмите моего сына съ собой не для торговли,
а для науки.

Братья согласились.

Нагрузиль ему отецъ шесть кораблей драгоцѣннаго
камня, и благословилъ въ путь для науки.

Прїѣзжаютъ они въ королевскую землю, привалили
на пристань, пошли себѣ мѣсто откупать, а Василій
остался на пристани, знай, посматриваетъ.

Вотъ идетъ старище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, привезъ?

— Дяди привезли краснаго товару, а я драгоцѣн-
наго камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

-- Предоставь мнѣ еще шесть кораблей. Деньги получишь вразъ.

Крикнуль Василій рабочихъ, выгрузили товаръ. Написаль карла расписку. Тутъ вернулись на пристань дяди и хвалятъ, что хорошо товаръ запродалъ, цѣну хорошую взялъ.

Стала ярмарка закрываться, поѣхали они домой.

Отецъ встрѣчаетъ Василія.

Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

Не знаю, что выйдетъ. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей, деньги получишь вразъ.

И отецъ его за то похвалилъ.

И когда подошла пора, нагрузилъ ему отецъ еще шесть кораблей драгоцѣнного камню. И поѣхалъ Василій въ королевскую землю.

Привалили на пристань, дяди пошли мѣсто себѣ выторговывать, а Василій остался поджидать покупателя.

Вотъ идетъ старище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, исполнилъ договоренное?

Исполнилъ.

Карла поглядѣль: шесть кораблей -- товаръ тотъ же.

Крикнуль Василій рабочихъ, выгрузили товары. Велитъ ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дяди на пристань. Разсказалъ имъ Василій о продажѣ.

Нате расписку, сходите въ такой-то домъ, получите. У меня толку не хватить расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетомъ.

Вышелъ къ нимъ старище.

Идите, молодцы, за мной. Чѣмъ вы желаете получить: мѣдными деньгами, или серебромъ, или золотомъ, или есть у меня еще про васъ, коли хотите?

Сидить дѣвица и такъ хороша, — не столь зарились они на деньги, сколь смотрѣли на эту дѣвицу. Да такъ отъ грѣха поскорѣй и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь самъ.

Пошелъ Василій.

Что, молодецъ, какими деньгами желаешь: мѣдью, золотомъ, или серебромъ, или есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василій посмотрѣлъ на дѣвицу и долго не думалъ, вотъ, что ему надо за двѣнадцать кораблей!

Имущество съ ней немного пойдетъ, только одна шкатулка, — сказалъ карла.

— Ничего, у насъ казны довольно съ отцомъ.

Попрощался Василій съ карлой. Взяла дѣвица шкатулку и пошла за нимъ. Вышла она на волю, помолилась, — она, какъ въ аду, тутъ была, сызмлада выкраденная, не простого роду.

Какъ увидѣли дяди, что ведеть Василій дѣвицу на пристань, голову потеряли: хороша-то, хороша, да не похвалить отецъ, навѣчно его разориль.

Окончилась ярмарка. Прѣѣхали они домой. Встрѣчаетъ отецъ Василія.

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, тятенька, видно, съ накладомъ: я купилъ себѣ жену за двѣнадцать кораблей.

Отецъ и ну его таскать.

Сгинь, — кричитъ, — съ моихъ глазъ, и не ходи ко мнѣ никогда въ домъ: куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василій на улицѣ съ молодой женой.

Ночь переночевали на постояломъ дворѣ. Наутро жена вынула изъ шкатулки три златницы.

Ступай, Василій, купи себѣ домъ.

Василій взялъ деньги и пошелъ по городу. И не долго искалъ купца, нашелся такой. Повель купецъ Василія домъ смотрѣть: домъ трехъэтажный, каменный.

— Много ль возьмешь?

-- А что дашь?

-- У меня три златницы.

-- Одной довольно, — сказалъ купецъ.

Ну, бери двѣ, — мой домъ!

Расчитался Василій по-царски съ купцомъ, да скорѣй за женой—будетъ имъ гдѣ жить! А на послѣднюю златницу купилъ онъ вина, выкатилъ бочку къ воротамъ: а кто бы ни прошелъ, ни проѣхалъ, всѣхъ на влагины зоветъ къ себѣ — спрѣвлять новоселье. Потомъ пошелъ къ дядѣ,—посулился дядя. Пошелъ къ другому, и другой не отказалъ. Пошоль къ отцу, и паль передъ нимъ на колѣни. Да слышать ничего не хочетъ отецъ, да за волосья, да вонъ его и выбилъ на улицу.

II.

Вернулся Василій въ свой новый домъ — полонъ домъ народа.

Что не весель, хозяинъ? — обступили гости.

А какое ему веселье? Разсказалъ онъ про отца, какъ отецъ его встрѣтиль.

Всѣмъ народомъ пошли къ старику за сына просить. И уломали старика. Пришелъ отецъ — первое мѣсто ему, первую чару.

Подариль отецъ молодымъ козла, старшой дядя — лошадку, младшій дядя — корову. И много набросали имъ серебра — много денегъ собралъ Василій съ женой.

Отецъ простилъ сына и ужъ домой не вернулся, а велѣль запечатать свой домъ, самъ остался съ сыномъ да съ невѣсткой. И зажили втроемъ дружно.

Говорятъ дяди Василію.

— Вотъ, племянничекъ, ъдемъ мы на три ярмарки, поѣдемъ съ нами!

— Да не съ чѣмъ мнѣ ъхать-то.

А жена и говоритъ:

— Поѣзжай, Василій, богаче ихъ прїѣдешь.

Василій и согласился.

Тутъ жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посыаетъ его на рынокъ купить ей разныхъ шелковъ. Пошелъ Василій на рынокъ, купилъ женѣ разныхъ шелковъ. Въ трое сутокъ вышила она три ширинки, законвертила ихъ въ родѣ кирпичиковъ, подписала подписи.

— Въ первое королевство прїѣдешь, тамъ крестная моя—королева, подай этотъ конвертъ. А въ другое королевство прїѣдешь, вотъ этотъ конвертъ подай, тамъ мой крестный—король. А въ полуночное царство прїѣдешь, тамъ мой отецъ и моя мать!

Взялъ Василій конверты, простился съ женой.

Прощай, царевна!

И безъ денегъ поѣхалъ съ дядиными кораблями.

Прїѣзжаютъ въ первое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами: дяди свое—всякія матеріи подносять, а Василій царевнинъ конвертъ. Развернулъ король ширинку, а на ширинкѣ подпись къ крестной.

Обрадовались король съ королевой.

Гдѣ ты нашелъ ее, нашу крестницу?

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

А король и королева на радостяхъ все бы отдали.

Жертвуемъ тебѣ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василію три корабля драгоцѣннаго камню, кончились ярмарка, и поѣхали они въ другое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами: дяди—свое, а Василій царевнинъ конвертъ—съ ширинкою. А на ширинкѣ подпись къ крестному.

— Гдѣ ты нашелъ мою крестницу?—удивился король.

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

И крестный пожертвовалъ на радостяхъ три корабля на отdarки.

Нагрузили Василію три корабля драгоцѣннаго камню. Кончилась ярмарка, и поѣхали они въ полунощное царство.

Приходятъ они къ царю съ гостинцами: дяди свое-матеріи всякия, Василій—царевнинъ конвертъ.

И какъ вывернули конвертъ,—ширинка. А на ширинкѣ подпись царю.

Обрадовался царь.

— Гдѣ ты нашелъ мою милую dochь?

Разсказаъль Василій о королевскомъ карлѣ: какъ въ аду жила тамъ царевна.

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

Эка, дорого! Жертвую тебѣ на отдарокъ шесть кораблей.

Нагрузили Василію шесть кораблей драгоцѣннаго камню, и стало у него всѣхъ двѣнадцать, какъ было.

Раздумался царь: да вправду ли Василій нашелъ его dochь?—и говорить приближеннымъ:

Какъ бы такъ провѣрить? Нельзя ли мою dochь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо бы пораньше!—говорять царю приближенные.

А одинъ выискался Котъ-и-Левъ: море ему по колѣно и на догадку гораздъ.

— Черезъ его именной перстень можно ее скоро достать.

А ужъ ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушалъ, да на пристань, зоветъ Василія, просить оставаться еще на денекъ.

— Милой зять, попирай со мной суточки, я тебя отправлю потомъ.

Поплыли домой корабли дядей, а Василій остался у царя пировать. На пиру ему подлили сонные капли: какъ выпилъ и уснулъ крѣпко. Съ сонного сняли съ него именной перстень, съ этимъ перстнемъ и поѣхалъ царскій посланный въ Ломтевъ-городъ за царской дочерью.

Много ль спалъ Василій, проснулся, и скорѣе на свои корабли догонять дядей.

А посланный прїѣхалъ въ ихъ городъ, разыскалъ старика Ломтева и прямо къ царевнѣ.

Узнала царевна мужнинъ перстень, повѣрила и сей-часъ же отправилась съ посланнымъ въ полуночное царство къ отцу.

Нагналь Василій корабли дядей. И прїѣхали вмѣстѣ. На пристани встрѣчаетъ отецъ Василія.

— Что, сынокъ, съ накладомъ или съ барышомъ?

Вотъ тебѣ, тятенька, радость: получилъ я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню, бери ихъ себѣ.

Обрадовался отецъ: всѣ двѣнадцать кораблей вернуль ему сынъ!

— А гдѣ же жена? — спрашиваетъ Василій.

— Да, вѣдь, ты же ее по своему перстню вызывалъ къ отцу!

Тутъ хватился Василій, а перстня-то нѣтъ. Затужилъ онъ, заплакалъ, не пошелъ и домой, пошелъ онъ на край моря, куда глаза глядятъ.

III.

Идетъ Василій на край моря и день, и другой, и третій не три дня, три года. И показался ему старичекъ.

Что, Василій, идешь и плачешь, о чемъ больно тужишь?

Посмотрѣль Василій на старика.

— Ахъ, Никола Милостивый, какъ не тужить мнѣ: жену потерялъ... Мнѣ на нее хоть бы глазкомъ поглядѣть!

— Увидинъ, сказаль Никола.

Подаль Никола ему топоръ, велѣль рубить дубъ.

Срубиль Василій дубъ. Изладиль Никола изъ листьевъ и вѣтокъ коверъ-самолетъ, изъ верхушки сдѣлалъ самогудную скрипку. Даль скрипку Василію въ руки. Оба стали на коверъ-самолетъ.

— Играй на верхніе лады! — сказаль Никола.

Заигралъ Василій на верхнихъ ладахъ, — и они полетѣли.

Высоко летѣли надъ моремъ.

— Дѣдушка, не шире бараньей кожуры мнѣ кажется море! — удивился Василій.

— Ну, играй теперь на нижніе лады.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ, — сѣлъ коверъ-самолетъ у царскаго сада.

Слушай, Василій, — сказаль Никола, — жена твоя выходитъ замужъ за королевскаго сына... Послѣднія минуты... Выйдетъ она сейчасъ въ садъ, веди ее сюда. Только знай: тутъ есть бесѣдка, въ бесѣдкѣ скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увишишь.

Василій ходилъ, ходилъ по саду, а ее все нѣтъ. Вошелъ въ бесѣдку, забылся и сѣлъ на скамейку. И уснуль.

Вотъ вышла царевна на прогулку, заглянула въ бесѣдку—что за человѣкъ?—подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою; обрадовалась. Но сколько его ни будила, никакъ не могла разбудить. Такъ и ушла.

Проснулся Василій, да скорѣй изъ бесѣдки.

— Дѣдушка родимый, что я надѣлалъ!

— Долго время она тебя будила, — сказалъ Никола,— еще разъ она выйдетъ на прогулку, карауль, не проспи!

И опять Василій ходить по саду, а ее все нѣтъ. И вотъ ровно какъ вѣтромъ придернуло его къ бесѣдкѣ,—зашелъ въ бесѣдку, сѣль на скамейку. И уснулъ.

И опять вышла царевна въ садъ и прямо въ бесѣдку. И долго будила. И будить, и плачетъ.

Ты большие меня никогда не увидишь.

А онъ спить.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василій, хватился, да поздно.

— Ну, дѣдушка, я самъ пойду за ней.

Никола далъ ему коверъ-самолетъ и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказалъ Никола.

Съ дарами Николы вошелъ Василій въ царскія палаты. Тамъ пиръ, свадьбу играютъ—выдаютъ царевну за королевскаго сына. Поздоровался Василій съ царемъ не узнать его царь—проситъ Василій поиграть въ свою музыку. Царь дозволилъ.

Разостлалъ Василій коверъ-самолетъ, взялъ въ руки скрипку, сталь на коверъ.

Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играетъ.

Растворили окна и двери.

И заигралъ Василій въ самогудную скрипку—вспла-
кали самогудныя струны.

Подбѣжала къ нему царевна — захотѣлось ей поцѣло-
вать его. подбѣжала царевна, стала на коверъ самолѣтъ.

— Держись за меня крѣпче!—шепнулъ ей Василій.
И заигралъ высоко на верхнихъ ладахъ.

Тогда поднялся на воздухъ коверъ и, все равно какъ
метлячикъ полевой, вылетѣлъ на волю.

Забили тревогу: кто изъ ружья, кто изъ пушки—мѣ-
тятся, цѣлятъ, палятъ. Громъ гремитъ отъ пальбы, а до-
стигнуть не могутъ высоко!

Залетѣлъ Василій съ царевной высотою высоко—
море подъ ними не шире бараньей кожуры.

„Кабы намъ сюда родного дѣдушку!“ вспомнилъ
Василій.

Играй теперь на нижніе лады!—услышалъ Василій.
А Никола-то съ ними: онъ и на пиру у царя съ нимъ
невидимо былъ.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ—стали спу-
скаться на землю.

Ступайте теперь домой,—сказалъ Никола и далъ
Василію тайно кремень и огниво:—чиркни трижды и буд-
детъ помочь, да смотри, про кремень и плашику никому
не сказывай!

Попрощался Василій съ Николой, повелъ царевну домой.

Обрадовался отецъ сыну, а пуще того, что съ женою
вернулся.

А тамъ у царя все разладилось. Королевскій сынъ,
дѣлать нечего, уѣхалъ въ свое королевство. Опять поте-
рялъ царь любимую дочь.

И собралъ царь своихъ приближенныхъ, говорить имъ:

— Не Василій ли хитникъ, не онъ ли увезъ царевну?

Говорять царю приближенные:

— Должно, что онъ, Василій Ломтевъ, никому больше.

Тутъ выискался опять Котъ-и-Левъ и надоумилъ царя: самому ъхать немедля въ Ломтевъ-городъ и испытать дѣло.

Послушалъ царь Котылева и на семи корабляхъ поилылъ за царевной.

Побѣжалъ народъ на пристань встрѣчать царя. А Василій запрягъ карету, встрѣтилъ тестя, и привезъ его въ свой домъ.

Обрадовался царь, что нашлась дочь, и пирожкомъ царь у зятя. А послѣ пира зовѣть его къ себѣ на житѣе.

Согласился Василій, попрощался съ отцомъ.

— Въ живности меня не будетъ, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообѣщалъ отецъ исполнить волю, проводилъ сына.

И вернулся царь въ полуночное царство, а съ нимъ царевна и Василій, и завелъ царь пиръ на весь міръ.

IV.

Узналъ королевичъ, что невѣста его за Ломтевымъ, обидно стало: собралъ онъ большую силу и пошелъ войной на полуночное царство съ царемъ воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядовъ нѣту: какія были пули, всѣ тогда разстрѣляли по ковру-самолету.

Выѣхалъ царь съ Василіемъ въ луга—застлала королевская сила луга.

Говорить царь Василію:

— Что, милой сынъ, на чего намъ надѣяться?

Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынуль Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два—до трехъ разъ, и выскочили три ухорѣза.

— Что насть покликать, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно!—приказалъ Василій.

И не больше часу дѣло продлилось, ничего не осталось отъ королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты званія! — похвалилъ царь Василія.

Вернулись они во дворецъ. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытать у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

Ночь прошла. Наутро смотритъ царь въ окно: черно, всѣ луга застланы еще большую силу за ночь пригналъ королевичъ.

И опять выѣхалъ царь съ Василіемъ въ луга.

— Что, милой сынъ, на чего намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ, и выскочили три ухорѣза.

— Что насть покликать, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И рѣшили силу за два часа.

Вернулся царь во дворецъ съ Василіемъ. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала снова пытать у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

А царевна ну ластиться:

— Скажи, да скажи про ухорѣзовъ, откуда такіе, ухорѣзы?

Василій ей все и сказалъ.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и дѣйствую, — открылъ тайну Василій своей ладушкѣ.

Послѣ ласковой бани сладко спится, — крѣпко заснуль Василій.

Осталась царевна одна и раздумалась: жалко ей королевича, погубилъ Василій его силу, и его самого погубить! Да долго не думая, и вытащила изъ кармана у Василія кремень и огниво, и приказала взять въ лавкъ такой же кремень и огниво, тѣ спрятала, а эти положила на мѣсто.

А Василій спитъ, ничего-то не знаетъ.

Наутро смотритъ царь въ окно: есть въ лугахъ королевская сила, да не такая ужъ, больше старые да малые.

И въ третій разъ поѣхалъ царь въ луга съ Василіемъ.

И говоритъ Василій царю:

— У королевича силы не болѣно много. Хоть и немного, да сердце у меня сѣгодня слышитъ, едва ли мнѣ сегодня живу быть.

И вынуль Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ, а нѣть никого.

Нѣть никого, нѣть ухорѣзовъ.

— Ну, батюшка, поѣзжай домой, а мнѣ конецъ! — сказалъ Василій.

Тогда подбѣжала королевская сила, старые и малые, и изсѣкли его на мелкіе куски, собрали куски, зарыли и столбъ поставили.

А королевичъ вошелъ во дворецъ, взялъ царевну и увезъ ее въ свое королевство.

Заревѣла скотина Васильева: козель, конь и корова. И не можетъ отецъ ее никакимъ кормомъ уважить: все реветь.

И догадался стариикъ:

„Неужели сына нѣть въ живности!“

И выпустилъ ихъ на волю.

И пустились они, кто какъ могъ, и прямо на побоище къ столбу кровавому.

Говорить буренушка:

— Козель Козловичъ, вырывайте, и ты, лошадка, вырывайте, а я помчусь за живой водой!

Тroe сутокъ трудились козель и конь, отрыли всѣ куски и кусочки, и собрали все вмѣстѣ, какъ есть человѣкъ.

Примчалась буренушка, фырскнула изъ лѣвой ноздри, — и куски срослись, фырскнула изъ правой ноздри — и Василій сталъ.

Помянулъ онъ отца, что не забылъ обѣщаю, и скотинѣ спасибо сказалъ.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай къ моему родителю, а мнѣ итти некуда!

Побѣжала на радостяхъ скотина домой: козель, конь и корова. А онъ край моря пошелъ, куда глаза глядятъ.

V.

Идетъ Василій край моря и день, и другой, и третій — не три дня, три года. И показался ему старичекъ.

— Что, Василій, побѣдствовалъ?

— Ахъ, Никола Милостивый, мнѣ теперь ее во вѣкъ не видать!

— Увидиши, — сказалъ Никола и далъ ему ягоду, — на чѣго тебѣ подумается, тѣмъ ты и сдѣлаешься!

Василій сѣѣль ягоду, подумалъ на воробья, воробѣемъ и сдѣлался. Воробѣемъ и полетѣль. И прямо полетѣль въ королевство заморское къ королевичу.

Тамъ ударился о землю и сдѣлался опять молодцомъ.

Идетъ Василій по городу мимо дворца королевскаго, мимо окошка царевны. Царевна въ окнѣ сидитъ. Признала Василія, склонилась въ окнѣ.

И пошелъ Василій отъ дворца на край города.

Тамъ жила старуха, на краю города, нищая. Къ ней и зашелъ Василій.

— Откудова? Какой молодецъ ты! поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальний,—осмотрѣлся Василій, а бѣдно же ты живешь!

— По миру хожу.

Я тебя сдѣлаю богатой. Сослужи мнѣ службу. Пойдемъ вмѣстѣ на улицу, тамъ я обернусь жеребцомъ, а ты меня веди на базарь продавать и возьми за меня сто рублей. Самъ королевичъ меня купить. Только уздечку не продавай, себѣ оставь. Купить меня королевичъ, заколеть меня. И когда меня будутъ колоть, возьми ведра, стань съ ведрами подъ гортанью — хлынетъ кровь прямо въ ведра, и посѣй эту кровь передъ дворцомъ — вырастетъ садъ. А когда станутъ рубить этотъ садъ, возьми съ земли первую щепку и кинь ее въ море...

Вышелъ Василій со старухой на улицу и сталъ жеребцомъ. И повела старуха жеребца на базарь.

Ѣдетъ королевичъ.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и богатая, пошла домой.

А царевна все знаетъ, догадалась, что за жеребецъ.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говорить королевичу.

И какъ ни жаль королевичу, велѣль заколоть жеребца.

Вывели жеребца на площадь передъ дворцомъ, свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила, и пошла съ ведрами на площадь, поставила ведра коню подъ горло.

— Что вы дѣлаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухѣ коня.

— Хозяева приказали, такъ что намъ!— отвѣчали работники, да какъ рѣзануть его по горлу, кровь такъ и хлынула, и прямо въ ведра.

Старуха набрала полны ведра и разсѣяла кровь передъ дворцомъ.

Поутру смотрить королевичъ, а около дворца—садъ.

А царевна все знаетъ, догадалась, какой это садъ.

Садъ если ты не вырубишь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мнѣ жалко, а сада еще жальчѣе, садъ больно хорошъ!—говорить королевичъ.

А она стоитъ на своемъ:

— Если не вырубишь, меня не увидишь!

И покорился ей королевичъ, велѣлъ вырубить садъ.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тутъ съ топорами пришли,—говорить работникамъ,—такой чудесный садъ рубить?

— Хозяева приказали, такъ что намъ!

И какъ стали рубить, изъ первого дерева вылетѣла щепа наодаль, старуха подняла щепу и кинула ее въ море.

И сталь изъ щепы селезень—всякое перышко въ золѣ.

Плаваль селезень по морю. Выходилъ народъ къ берегу, смотрѣлъ на диковинку. А царевна все знаетъ, догадалась, что за селезень.

— Застрѣли,—кричитъ королевичу,—застрѣли селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вотъ и вышелъ королевичъ на море и увидѣль селезня. А селезень къ краю плыветъ, покрякиваетъ. И захотѣлось королевичу такъ поймать, живьемъ. Сняль онъ съ себя все, вошелъ въ воду и ну селезня руками ловить.

А селезень нырнетъ отъ него—и къ нему: манить въ глубь.

Королевичъ и сталъ тонуть.

Селезень тогда вспорхнулъ на берегъ и сдѣлался молодцомъ.

Вынулъ Василій изъ королевскаго платья кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ, и выско-чили три ухорѣза.

Что нась покликалъ, на какія работы?

Сожгите весь городъ, только оставьте дворецъ да избушку старухину!—приказалъ Василій.

И подожгли ухорѣзы,—у! какъ загорѣлось!

Съ берега смотрѣль Василій на огненное царство.

И показался ему старишокъ: шелъ старишечекъ къ огню. вель царевну черезъ огонь.

— Ахъ, Никола Милостивый!—взмолился Василій.

А старишечекъ подвелъ къ нему царевну.

И огонь погасъ.

И благословилъ ихъ Никола Милостивый Чудотворецъ на новую жизнь жить вѣрно въ любви.

Василій съ царевной вернулся въ полуночное царство и стали они жить и быть. И по смерти царя, наступилъ Василій Ломтевъ въ полуночномъ царствѣ царемъ.

Свѣча воровская.

иль-быль одинъ человѣкъ, а время было трудное, вотъ онъ и задумалъ себѣ промыслить добра да недобримъ дѣломъ: что у кого плохо лежитъ—не обойдетъ, припрячетъ, а то накупить дряни какой, выйдетъ купцомъ на базарь и такъ заговорить ловко, такъ выкрутить, совсѣмъ тебя съ толку собьетъ и втридорога сбудетъ,—одно слово, воръ.

И всякий разъ, дѣло свое обдѣлавъ, Николѣ свѣчку несетъ.

Понаставилъ онъ свѣчей, только его свѣчи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердію своему первый онъ человѣкъ и въ дѣлахъ его Никола ему помощникъ. Да и самъ Ипатъ-то увѣрился, что никто, какъ Никола.

И однажды хапнулъ онъ у сосѣда, да скорѣй наутекъ для безопасности. А тамъ, какъ на грѣхъ, хватились, да по слѣдамъ за нимъ вдогонку.

Бѣжалъ Ипатъ, бѣжалъ, выбѣжалъ за село, бѣжить по дорогѣ вотъ-вотъ настигнутъ, — и попадаетъ ему на встречу старичекъ, такъ, нищій старичекъ, побиральщикъ.

— Куда бѣжишь, Ипатъ?

Ой, дѣдушка, выручи, не дай пропасть, схорони: настигнутъ, живу не бывать!

— А ложись,—говорить стариочекъ, вона въ ту канавку.

Ипать въ канаву, а тамъ лошадь дохлая. Онъ подъ лошадь, въ брюхо-то ей и закопался.

Бѣгутъ по дорогѣ люди и прямо по воровскому слѣду, а никому и не вдомекъ, да и мудрено догадаться: канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Такъ и пробѣжали.

Ипать и вышелъ.

А стариочекъ тутъ же на дорогѣ стоитъ.

— Что, Ипать, хорошо тебѣ въ скрыти-то лежать?

— Ой, дѣдушка, хорошо,—чуть не задохнулся!

— Ну, вотъ, видиши, задохнулся! —сказалъ стариочекъ, и сталъ такой строгій,—а мнѣ, какъ думаешь, отъ твоихъ свѣчей слаще? Да свѣчи твои, слышишь, мнѣ, какъ эта падаль! —и пошелъ такой строгій.

Каленые червонцы.

ель мужикъ лошадь продавать и хвалился:

Кого хошь обдую, и умника и про-
стого и святого, кого хошь!

И только это сказалъ онъ, а ему стари-
чекъ навстрѣчу.

Продай лошадку-то!

Посмотрѣлъ на него Кузьма,---такъ, стариkъ не изъ
годящихъ и разговаривать-то съ такимъ---время терять.

Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что-ты, креста на тебѣ что ли нѣть? Конь-то
твой былъ конь, да съѣзжень, десятки не стоитъ.

— Ну, и проваливай,---огрызнулся Кузьма,---не по
тебѣ цѣна, не для тебя и конь! --- и пошелъ.

И стариchекъ пошелъ, ничего не сказалъ, да остано-
вился, что-то подумалъ и ужъ догоняетъ.

— Уступи!

А тотъ молчитъ.

— Уступи, хоть сколько,---просить стариkъ, не от-
стаетъ.

И вотъ-вотъ двинетъ его Кузьма: надоѣло.

— Ну, ладно, коли ужъ такъ надо, бери сто! --- ска-
залъ стариkъ и высыпалъ ему на ладонь червонцы, а
самъ сѣль на лошадь и прощай.

У Кузьмы въ глазахъ помутилось — червонцы!

И хотѣлъ онъ ихъ въ карманъ спрятать, а никакъ и не можетъ съ ладони ссыпать: пристали къ ладони, не отлипаютъ. Бился, бился, а·ничѣмъ не отдерешь, и жжетъ.

Отъ боли завертѣлся Кузьма и ужъ едва до дому добрался.

И дома мѣста себѣ не находитъ — жгутъ червонцы. Извелся весь. Ужъ каеется, да ничего не помогаетъ: жгутъ червонцы, какъ угли каленые.

И вотъ совсѣмъ обезсилѣлъ и заснуль.

И приснился ему сонъ.

„Иди, — говоритъ, — той дорогой, по которой шелъ продавать лошадь, встрѣтишь того старика, покупай на-задъ лошадь. Сколько ни спросить старикъ, давай“.

Очнулся Кузьма. Чуть свѣтъ вышелъ на дорогу, — на свѣтъ ему поднять глаза трудно, и жжетъ.

А старикъ-то и ъдетъ.

Поклонился онъ старику.

— Продай, дѣдушка, лошадь-то!

Смотрѣть старику, не признается.

— Лошадку-то продай, дѣдушка, мою! — едва слова выговариваетъ несчастный.

— Десять рублей, — сказалъ старику.

— Бери сто.

— Зачѣмъ сто? Десять, — и поѣхалъ.

Кузьма стоитъ на дорогѣ, въ пору волкомъ завыть.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай ужъ сто.

Обрадовался Кузьма, и въ ту же минуту отлипли червонцы, такъ и зазвенѣли, каленые, о холодный камень. Нагнулся, собралъ въ горсть, глядь, а передъ нимъ ста-ричекъ-то, какъ попъ въ ризахъ.

— Батюшка, Никола Угодникъ!

А стариkъ стоитъ, и такъ смотритъ: броватый такой, кротко.

— Прости, родненькій!

— Ну, иди съ Богомъ, да не обманывай! — сказалъ стариkъ и какъ не было.

И червонцы пропали, только лошадь одна.

Р е м е з ъ - п т и ц а .

Быль ремезъ не такой малый, былъ ремезъ больше всѣхъ птицъ, а звонкая, звонче во всемъ бору не было птицы. Тучей подходилъ ремезъ къ городу, громкимъ громомъ ступалъ на свой широкій дворъ, и былъ онъ всѣхъ озорнѣе и всѣхъ обижаль, и всѣ его страсть какъ боялись.

Вотъ Ѳхалъ разъ въ зимнюю пору Никола Угодникъ, Ѳдетъ себѣ лѣсомъ, поспѣшаетъ на угодное дѣло. А въ лѣсу шаловаль ремезъ, да какъ вылетить на дорогу, да какъ свистнетъ перепугался конь Николинъ, рванулъ: сани на бокъ и прямо въ снѣгъ.

Поднялся Никола, пошелъ къ Господу Богу: большая была досада на птицу.

Я, Никола, я Твой угодникъ, — сказалъ милостивый Никола Господу Богу, — и на что попускаешь разбойнику этому: всѣхъ обижаетъ, коня моего напугалъ, Сивку!

И просить у Бога управы на птицу.

И внялъ Богъ, покараль шаловатую птицу — отняль отъ ремеза силу, а перья его роздалъ птицамъ на прибыль роста, и сталъ ремезъ такою малою птицей.

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, отъ ремеза-птицы, и за то ее всѣ любятъ, и за то она первая птица — ремезъ.

Задача.

иль - былъ попъ благочестивый Наркисъ. Всякаго въ приходѣ своемъ Никольскомъ зналъ попъ въ глаза и о всѣхъ имѣлъ заботу. И всѣ шли къ попу съ своими горями и бѣдами, — любили попа.

А былъ попъ Наркисъ вдовыи и только-что въ заботахъ и находилъ себѣ покой въ своей вдовыи долѣ. Да была у него дочь Зинаида, въ городѣ училась, въ училищѣ, и о ней попъ когда говорилъ, то всѣмъ становилось весело.

Пріѣдеть на праздникъ къ отцу Зинаида, тоненькая такая и голосъ тихій, а какъ начнетъ ввечеру догматики знаменнымъ распѣвомъ пѣть на разные гласы, до слезъ пройметъ.

Слушаетъ попъ Наркисъ Зинаиду и самъ пѣть примется.

И до того въ домѣ у нихъ хорошо да привѣтливо, зайдетъ ли кто посидѣть, поговорить съ попомъ по душѣ, и уйдетъ домой, какъ и горя не было.

Ну, а бѣсамъ это и непріятно: имъ непремѣнно, что разъ ты попомъ сдѣлался, такъ изволь все наоборотъ, — и попивать, и буянить, и чтобы въ карты и худыми дѣлами всякими заниматься на соблазнъ людямъ и осужденіе. И возненавидѣли бѣсы попа Наркиса и затѣяли проучить его по-своему, чтобы былъ имъ попъ слугою вѣрнымъ.

И вотъ на святкахъ, въ полночь, когда попъ, окончивъ спальные молитвы, собирался укладываться, ворвались они къ нему въ домъ и пошелъ по покоямъ и на кухнѣ и стукъ и шумъ.

Отдавай, говорятьъ,—дочь Зинаиду, а не то силой возьмемъ!

Перепалъ попъ, не знаетъ, что съ ними и дѣлать, и одно просить—потерпѣть до слѣдующей ночи, чтобы подумать.

Бѣсы согласились. Имъ пока и того довольно, что заробѣлъ попъ: извѣстно, съ заробѣлымъ человѣкомъ что хочешь, сдѣлать можно, на какую угодно гадость толкнуть заробѣлаго-то можно, до петли довести и совсѣмъ безъ подпиха.

-- Страйся, ребяты, сказалъ бѣсь главный бѣсъ самъ, -- попъ Наркисъ ужъ на половину нашъ, а завтра будетъ нашъ съ головкой!

И отошли бѣсы.

А попъ, какъ очнулся, сталъ на молитву и молилъ у Бога, просилъ Николу вразумить его, оградить отъ бѣсовъ любимую дочь его Зинаиду. И до утра все молился, да такъ на молитвѣ, стоя, и задремаль.

И вложилъ ему въ умъ Никола Угодникъ:

„Явится къ тебѣ дьяволъ, задай ему задачу, чего онъ справить не можетъ, да пѣтушка припаси на случай“.

Пошелъ попъ въ церковь, а самъ все думаетъ, какая такая задача бѣсу не подъ силу, думаль, думаль, да осмотрѣлся и надумалъ.

И когда въ полночь они снова явились со стукомъ, громомъ и шумомъ:

-- Отдавай намъ свою дочь Зинаиду!

Попъ Наркисъ имъ отвѣтилъ:

— Если вы, бѣсы, можете до свѣта состроить церковь, я вамъ отдамъ дочь.

Загреготали бѣсы:

„Эка, попъ-то глупый! Они и не такое мигомъ сработаютъ, а то церковь до свѣта!“

А главный бѣсъ говоритъ Наркису:

Покажите намъ, батюшка, мѣсто.

Попъ съ ними вышелъ на улицу, указалъ, гдѣ строить, а самъ въ домъ вернулся.

И закипѣла работа.

И куда еще до разсвѣта, а ужъ церковь до потолка поставлена и иконостасъ готовъ!

Бѣсы старались, работали, а попъ съ пѣтушкомъ ладилъ, чикуталъ ему подъ бородушкой его шелковой, чтобы очхунулся пѣтушокъ и запѣлъ.

И къ свѣту ближе пѣтухъ запѣлъ.

И рухнула церковь безкрестная и, кто куда, разсѣялись бѣсы.

Такъ ничего и не взяли.

А попъ Наркисъ еще тверже сталъ въ своей жизни— въ заботахъ, бѣсамъ на пущую досаду.

Заря перегорѣлая.

ало мы чего знаемъ и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаемъ, на это нась нѣть.

Пахаль Антонъ пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорѣла, а Антонъ все пашеть. И попадается ему навстрѣчу стариочекъ: смотрить, куда-то, будто о чёмъ задумаль.

— Скажи, говорить, Антонъ, къ чему это заря перегораетъ?

— Да къ ненастью, старинушка, отвѣтилъ Антонъ.

Стариочекъ его за руку, да черезъ оглоблю, перевель черезъ оглоблю, оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усѣяли, мѣсяцъ вонъ-а гдѣ сталъ, когда кончиль стариочекъ пахать,—а это самъ Никола былъ Угодникъ. И ужъ еле поплелся Антонъ съ поля домой.

На другой день пашеть Антонъ, и опять ему стариочекъ навстрѣчу.

— Ну, Антонъ, къ чему заря перегораетъ?

А день стоить свѣтлый да теплый.

Тутъ Антонъ— вчерашнее-то ему ой какъ засѣло! — и повинился, что не знаетъ.

То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи!--сказалъ стариочекъ и пошелъ.

Пошелъ Угодникъ уму-разуму учить насть, на думу лѣнивыхъ, гнѣвный, — карать неправду, милостивый, — жалѣть, и собирать насть, разбродныхъ.

Г л у х а я т р о п о ч к а.

или сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старишечкъ. И говоритъ имъ старишечкъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что нась отъ смерти отвель.

Старикъ пошелъ не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что,— говорять,— намъ какая вещь, змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ чащу дремучую. А тамъ привеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ онъ что, старый хрѣнъ, насказаль! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ея не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать: ужъ больно велика казна, на себѣ не доташишь.

Одинъ и говоритъ:

Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадью, на телѣгѣ
ее и повеземъ, а я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяикѣ
къ моей, хлѣбца кусочекъ привези, ёсть что-то хочется.

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ
женѣ:

Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то даль!

Чего даль?

Кучу казны привеликую: намъ не прожить, да и
дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка по-
живѣе печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо:
пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо
лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку,
положила ему въ сумку. Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о
своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

„Вотъ какъ пріѣдетъ, я его и хлопну—всѣ деньги-то
мои и будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!“

Подѣѣзжаетъ къ нему пріятель, тутъ онъ прицѣлилъ,
да и хлопъ его, а самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку,
проголодался очень,—лепешечки поѣлъ и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

Заяцъ съ ёлъ.

орошъ былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только. За своего пошелъ кузнецъ среди бѣдныхъ людей, всѣ его очень любили: узнали и чужестранные, стали ъздить на пра- веднаго кузнеца посмотретьъ. И жилъ кузнецъ хорошо и спо- койно, ни въ чемъ нужды не зналъ и всѣмъ былъ доволенъ.

Вотъ и приходитъ къ нему разъ старишокъ какой-то. Это самъ Никола угодникъ пришелъ испытать его.

Что, говорить, кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?

Кто что дастъ.

- Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной, я лѣ- карь. И братъ ничего не будемъ, а денегъ большихъ добьемся.

Подумалъ кузнецъ, подумалъ, чего же не пойти, коли такое дѣло: и міру польза и душѣ не обида. И согласился.

И они пошли.

А взяли они съ собой въ дорогу одинъ кошелъ съ хлѣбомъ, а хлѣба тамъ всего-то по такому кусочку. Старикъ ходко идетъ, и хоть-бы что, а кузнецъ едва ужъ ноги тащить: и усталъ, и ъсть захотѣлъ. Наконецъ-то старишокъ вздумалъ сѣсть отдохнуть.

Тутъ кузнецъ за кошелъ, развязалъ кошелъ, вынуль по кусочку. Старичекъ и къ хлѣбу не притронулся, въ

кошель назадъ положилъ, всталъ себѣ, да въ сторонку, за хворостомъ, хворость посбирать. А кузнецъ весь хлѣбъ свой съѣлъ—ѣсть еще больше хочется, съѣлъ и стариakovъ хлѣбъ, да, чтобы концы въ воду, кошель и закинулъ, легъ и заснулъ.

Будить стариечекъ:

— Гдѣ, говорить, кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбъ?

Гляди, заяцъ съѣлъ!

Заяцъ, такъ заяцъ, ничего не подѣлаешь.

Смотрить стариечекъ. И хочется кузнцу правду сказать, да какъ сказать: вѣдь всего этакій кусочекъ съѣлъ!

— Ну, ладно,— сказалъ стариечекъ,—пора за дѣло. Пойдемъ къ морю, за моремъ царь живеть, у царя дочь больна, вылѣчимъ царевну.

И дошли они до моря, а лодокъ нѣть. Айда по морю. Кузнецъ едва поспѣваетъ. Середь моря зашли, сталъ стариечекъ.

— Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю?

— Нѣть!—и сталъ кузнецъ по колѣно въ водѣ.

— Не ты?

— Нѣть.

Стариечекъ посмотрѣлъ. А у кузнеца сердце упало: признаться бѣ, да какъ признаешься: вѣдь всего этакій кусочекъ!

— Ну, пойдемъ.

Вышли они на берегъ и сказались, что лѣкаря: нѣть ли больныхъ гдѣ?

— У царя,—говорятъ,—три года царевна хвораетъ, никто не могъ вылѣчить.

Донесли царю. И сейчасъ же царь пришлыхъ лѣкарей призвалъ.

— Можете вылѣчить дочь?

Можемъ, — сказалъ стариочекъ, — отведи намъ особу комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за одну ночь здрава будетъ.

Отвелъ имъ царь комнату, самъ и воды принесъ. И остались они съ хворой царевной.

Стариочекъ разрѣзalъ ее на-четверо, разложилъ куски, перемылъ водой, и опять сложилъ, водой спрыснуль,— царевна здрава стала.

Кузнецъ глядитъ, глазамъ не вѣритъ.

Наутро стучить царь съ царицей.

— Живы ли?

Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостиль ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной: одинъ сундукъ съ мѣдью, другой съ серебромъ, третій съ золотомъ—бери, сколько хочешь!

Что, спрашиваетъ стариочекъ кузнеца, доволенъ деньгами?

— Доволенъ, говорить,—доволенъ.

— И я доволенъ.

Попрощались съ царемъ и пошли изъ дворца, понесли казну большую.

— Пойдемъ, — сказалъ стариочекъ,—теперь къ купцу, купцова дочка хвораетъ, вылѣчимъ ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

Вылѣчите, дочь больна!

-- Вылѣчимъ, -- сказалъ старишокъ, — отведи намъ особу комнату на ночь, изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Натаскалъ купецъ воды, привель дочь, оставилъ съ ними.

Старишокъ говорить кузнецу:

— Видѣлъ, какъ я дѣлалъ?

— Видѣлъ.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзаль купцову дочь, а сложить не можетъ. И до разсвѣта бился, ничего не выходитъ. Старишокъ видитъ, кузнецовъ дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой спрыснулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучить отецъ.

Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостиль ихъ купецъ и денегъ далъ. Старишокъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ и напихалъ полную пазуху бумажекъ, фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецовъ село.

Старишокъ и говорить:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому кучка и другому кучка. Самъ раскладываетъ, а самому такъ глаза и жжетъ, вотъ подвернется рука и себѣ переложить.

— Что, кузнецъ, раздѣлилъ?

Раздѣлилъ.
Поровну?
— Поровну.
— Ты у меня не укралъ ли?
— Нѣтъ.
— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда съѣлъ кусочекъ или заяцъ?
— Я не ъѣлъ твой кусочекъ! и сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ.
— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.
— Нѣтъ! — и сталъ кузнецъ въ землѣ по шейку.
— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ преисподнюю отъ меня!
Кузнецъ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

С м е т а н а.

опъ Никаноръ только и гадаль съ попадьей, какъ бы дочь повыгоднѣе устроить, выбрать себѣ поладнѣе зятя, мѣсто ему передать и самимъ жить на покоѣ.

Ѣздили въ домъ къ попу женихи, и ни одинъ не былъ по сердцу. Одинъ былъ поповой дочкѣ милъ поповъ работникъ.

И, узнай о томъ попъ, проклялъ бы дочь, да и мать не больно потакнула бы.

Тайно отъ отца, отъ матери они о своемъ гадали, какъ имъ въ любви своей жизнь устроить.

Попова дочка работника всякий день сметаной прікармливала. Принесеть ему въ его каморку, поластится, пока тотъ Ѳѣсть, и пойдетъ опять къ себѣ.

До сметаны-то Федоръ большой былъ охотникъ.

И дозналась попадья, что стала пропадать сметана, а куда дѣвается, не знаетъ: и на того думала и на другого, нѣтъ, не знаетъ навѣрно, и говорить попу:

-- Чтой-то у насъ, отецъ, сметана теряется!

-- А ты, мать, накони ведерко, я въ церковь снесу на сохраненіе, тамъ никто не съѣстъ.

Накопила попадья ведерко, снесъ попъ сметану въ церковь, поставилъ передъ образомъ Николы Святителя, заперъ церковь и понцель домой.

А работникъ безъ сметаны-то и возропталъ.

— Ахъ, — говоритъ, — любушка, что ты меня и сметанкой-то нынче не полакомишь!

— Да откуда я возьмусь! Папаша сметану въ церковь снесъ, къ Николѣ поставилъ на сохраненіе.

— А достань мнѣ хлѣба да ключи, я самъ тамъ управлюсь.

До сметаны-то Федоръ большой былъ охотникъ.

Ну, она ему и хлѣба принесла и ключи, онъ и отправился въ церковь. Наѣлся тамъ всласть, все ведерко слопалъ, да чтобы концы склонить, взялъ да у иконы Святителя на ликъ-то усы и вымазалъ, и на бороду накапалъ, и на грудь накапалъ. Заперъ церковь и пошелъ домой, самъ облизывается:

„Ужъ то-то сметана-то вкусная!“

Подошла суббота, пошелъ попъ Никаноръ въ церковь всенощную служить, да какъ взглянетъ на икону, а икона-то вся въ сметанѣ, а ведро пусто.

А вотъ оно что! Грѣшилъ на того и другого, а эво кто сметану-то єсть! да икону обѣ полъ.

Икона и раскололась.

Попъ схватилъ ведро и домой, забылъ и про всенощную.

— Ну, мать, я Николу раскололъ, сметану єсть: только ротъ закрыть поспѣль, утереться не могъ, весь въ сметанѣ.

Не ладно ты сдѣлалъ, отецъ, испугалась попадья, икону раскололъ, тебя разстригутъ! и давай попа отчитывать.

Попъ и опомнился и понялъ, что неладно онъ сдѣлалъ, и ужъ ничѣмъ не поправишь.

Испеки мнѣ, мать, подорожниковъ, я лучше сбѣгу.

И какъ ни уговаривала попадья, не послушалъ попъ — куда ему теперь, все равно разстригутъ! — сталь на своемъ:

— Сбѣгу да сбѣгу.

И напекла ему попадья подорожниковъ и пошелъ попъ, куда глаза глядятъ.

Шель попъ Никаноръ по дорогѣ,—подорожники его прибрались, самъ изодрался весь, изрванился,—шель попъ, кричалъ къ Богу:

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

И увидѣлъ Никаноръ, идетъ ему навстрѣчу стариечекъ такой бѣлый.

Поровнялся стариечекъ съ попомъ.

— Куда, попъ, пошелъ?

А Никаноръ ему все и рассказалъ: и какъ съ попадьей гадали дочь устроить, чтобы самимъ на покоѣ жить, и какъ сметану поставилъ въ церкви передъ иконой, и какъ Никола сметану съѣлъ, и за то раскололъ онъ икону, и идетъ теперь, куда глаза глядятъ.

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

Слушалъ его стариечекъ ласково.

Иди домой, попъ, —сказалъ стариечекъ,—икона-то цѣла, не разстригутъ тебя. Только не говори напередъ, будто сметану я съѣлъ, сметану съѣлъ твой работникъ Федоръ. А ты придешь домой, работника-то не наказывай, а жени его на своей дочери,—это счастье ихъ. Да знай, только въ ихъ счастьѣ и себѣ покой найдешь, и старухѣ своей!—и благословилъ попа пропаща го и пошелъ себѣ дорогою Милостивый Угодникъ нашъ.

Д о л я.

халъ казакъ къ царю съ вѣстями, везъ царю три слова: первое слово о помоши Божьей, второе измѣна, третье—надежду.

Ѣдетъ онъ ночью лѣсомъ. Отъ дерева до дерева свѣтятъ ему звѣзды. И видитъ: подъ елью что-то бѣлѣеть. И конь почуялъ: непростое.

Подъѣхалъ казакъ поближе, смотрить: сидитъ стариkъ подъ елью и вяжетъ лыко, старый-престарый такой.

— Что это ты тутъ, дѣдушка, дѣлаешь?— остановился казакъ.

Али ослѣпъ? Лычко вяжу, — сказалъ стариkъ.

— А для чего тебѣ лыко вязать?

— А вяжу я лычко, вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь съ добрымъ...

А такіе люди на свѣтѣ: одни добрые, другіе худые. И надо соединить ихъ, чтобы худые были съ добрыми, а добрые съ худыми.

— А зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, чтобы шла жизнь на землѣ: соедини ты худыхъ съ худыми, и всякая жизнь прекратится, а соедини однихъ добрыхъ, и Бога забудутъ.

— Дѣдушка, кто ты такой?

— Да я, сынокъ. Никола.

Казакъ слѣзъ съ коня.

Помолись за насъ, Милостивый Никола!
И стариочекъ поднялся.

Ну, поѣзжай, казакъ, съ миромъ.
И казакъ поѣхалъ.

Ѣхалъ казакъ всю-то ночь по звѣздамъ, везъ царю
три слова, а четвертое слово — самое большое — милость
Николы.

За родину.

При стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь,
гуляй во всю, а въ четвертую—родную сторону
ни погногу, своихъ не трожь, за родину про-
клянеть народъ.

Гуляль Степанъ, разбойничалъ вострая сабля въ ру-
кахъ, за плечами ружье, охотничалъ разбойничекъ: дикая
птица, двуногая, съ руками, съ буйной головой добычей
была. Ухачи, воры—товарищи. Гдѣ что попадалось, все
ташилъ, зря не бросаль и не проглядывалъ, что висло ви-
сьло. И былъ у него большой домъ—тaborъ разбойный,
и хлѣба, и одежды и казны вдоволь, полны мѣшки се-
ребра. Съ молоду было—лизнуль онъ камень завѣчный
и все узналъ, что на свѣтѣ есть. И не зналъ ужъ страха,
и не было на свѣтѣ того, кто бы погубить его могъ. И
Саропскій лѣсъ приклонился передъ нимъ къ землѣ.

Гуляль Степанъ, разбойничалъ, Турецкое царство раз-
билъ; Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держаль.
И полюбилъ народъ Разина за гульбу и вольность его:
отмстить разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная, или напрасная кровь замутили воль-
ную разбойную душу, нарушилъ Степанъ завѣть родите-
левъ, пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать—не пройти,
не проѣхать по Волгѣ, замаяль. И вышелъ у народа изъ
вѣры.

Три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни погногу, своихъ не трожь, за родину не простить, проклянетъ народъ.

Вотъ онъ съ разбою ъхалъ по Волгѣ. Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ. Мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ про свою первую пощаженную встрѣчу. Что-то скучно ему...

„Дай къ ней зайду!“

Вышелъ Степанъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полукаменному дому было когда-то въ домѣ веселье, зневалъ и разгулку.

Отворила дверь сама Маша. Смотритъ, глазамъ не вѣритъ — Стенюшка ли это милый?

Что, Егоровна, али старъ ужъ сталъ? Съ Жегулиной горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча. И вспоминать не надо.

Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотрить. Вспоминать не надо! И вспомнила, обиду вспомнила и простила, за себя простила, и другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно! — и хотя бы глазомъ моргнула, какъ камень.

Истопила Марья баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка, а сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Взбулчаль старшина, нарядили народу — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Тамъ гвалъ, тутъ гамятъ.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старичекъ такой бѣлый.

— Что у васъ за сходка?— спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

Гдѣ вамъ, братцы, его пыматъ! Развѣ мнѣ...

Поумолкли.

Сняль старикъ шапку, три раза перекрестился и пошелъ къ купцову полукаменному дому, подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Стенька:

Эхъ ты, старый хрѣнъ! Не даль ты мнѣ помыться.

А ужъ значитъ судьба, дѣлать нечего, сталъ собираться.

И вышелъ Степанъ изъ бани. Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился и пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не галдѣлъ народъ. Какъ стояли, такъ и замерли— кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Посадилъ старикъ разбойника въ телѣгу, самъ впереди сѣлъ—и съ Богомъ.

Такъ и привезъ въ городъ.

— На-те вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ каземать.

Сбѣжался народъ. Топчутся, не знаютъ какъ и подступить.

Исправникъ говоритъ:

— Надо въ желѣзо его сковать.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковалъ его кузнецъ.

Стенька тряхнулъ ногой, и желѣзы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо, дайте я его связжу!

Взялъ стариkъ моченое лыко, ноги и руки лыкомъ связалъ.

— Ну, готово, теперь ведите.

Степанъ поглядѣль на старика.

— Прости, дѣдушка!

А стариkъ будто не слышить.

— Прости, дѣдушка!

Стариkъ нахмурился.

— Прости меня! — въ третій разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ стариkъ...

— Не прошу!

И пошелъ такой строгій, не простой, бѣлый странникъ, не оглянулся, пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсь нагрозился.

*Милостивый нашъ Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ!
Скажи Спасу о нашей тяжкой страдль,
умири ильинскій огонь,
заступи, защиши русскую землю!
Благослови русскій народъ великииъ благословеніемъ своимъ
на новую грядущую жизнь.*

ПРИМЪЧАНІЯ.

Николины притчи основаны на народныхъ сказанияхъ, сказкахъ, быличкахъ о Николѣ Угоднике, для чего пользовался я сказками и легендами А. Н. Афанасьева, Русскія народныя сказки, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, М. 1914, Народныя русскія легенды. Изд. Соврем. Проблемы, М. 1914, духовнымъ стихомъ о Николѣ изъ книги П. А. Безсонова, Калики перехожие, М. 1861, вып. 3, сочиненіемъ Е. В. Аничкова, Никола Угодникъ и св. Николай, Зап. Неофилологич. Общ., СПБ. 1892, и сборниками—самарскимъ, сѣвернымъ, пермскимъ, бѣлозерскимъ: Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр., XII т. СПБ. 1884, Н. Е. Оничуковъ, Сѣверныя сказки, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр., XXXIII т. СПБ. 1908, Д. К. Зеленинъ, Великорус. сказки Пермс. губ., Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр. XLI т. II гр. 1914. Борисъ и Юрий Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Изд. Отдѣл. Рус. Яз. и Словесн. Имп. Акад. Н. 1915; псковскою легендою, запис. Н. Г. Коzyревымъ, Живая Старина, II гр. 1912, вып. II—IV, рязанскими сказками с. Константинова, персданными мнѣ поэтомъ С. А. Есениномъ, и устюжской сказкой г. Лальска, запис. двоюроднымъ братомъ поэта А. А. Кондратьева.

	Годъ напи- санія.	Годъ напе- чата- нія.	№
Глухая тропочка	1914 { Сад. 89. Сок. 100.	1915 Нива.	1
Доля.	1915 Ає. 172 (Сказ.).	1915 Рѣчъ.	336
За родину.	1915 Сад. 110.	1915 Бирж. Вѣд.	14586
Задача.	1915 Онч. 173.	1915 Рѣчъ.	336
Заря перегорѣлая.	1914 Сад. 90.	1915 Нива.	1
Заяць съѣль.	1915 { Сад. 89. Ає. 5.	1915 Нива.	1
Каленые червонцы.	1915 Рязанс. г.	1915 День.	336
Никола вѣрный.	1915 { Сок. 38. 77. Зелен. 29. Онч. 281.	1915 Аргусъ.	11
Никола милостивый.	1915 Ає. 3 (Лег.).	1916 Пріазов. Край.	96
Николаnochлежникъ.	1916 Сок. 117.	1916 Рѣчъ.	
Никола—судія.	1915 Сок. 8.	1915 Голосъ.	1
Никола угодникъ.	1907 Безс. 130.	1907 Голосъ Москвы.	298
Никола чудотворецъ.	1915 Зелен. 4.	1906 Страна.	1
Николинъ дарь.	1914 { Сад. 91. Ає. 10 (Сказ.).	1914 Бирж. Вѣд.	14538
Николинъ завѣть.	1914 Э. О. 1891. XI.	1914 Отечество.	5
Николинъ огонь.	1915 Ж.С. 1912 II-IV №8.	1915 Огонекъ.	49
Николина порука.	1915 Зелен. 36.	1915 Бирж. Вѣд.	15253
Николино письмо.	1916 Сок. 118.	Бирж. Вѣд.	16004
Николино стремя.	1915 Сок. 9, 116.	1916 Ежемѣсяч. журн.	2
Николина сумка.	1915 Сок. 43.	1915 Петроград. Газета.	281
Николинъ умолотъ.	1915 Рязанс. г.	1915 Рѣчъ.	336
Ремезъ-птица.	1913 Вологодск. г.	1914 Грифъ 1913 г.	
Свѣча воровка.	1915 { Рязанс. г. Ає. 246 (Сказ.).	1915 Рѣчъ.	336
Сметана.	1915 Онч. 41.	1916 Ежемѣсяч. журн.	2

I. Газеты: „Биржевые Вѣдомости“, Пгр., „Голосъ“, Пгр., „Голосъ Москвы“, М., „День“, Пгр., „Петроградская Газета“, Пгр., „Пріазовский край“, Р. и. Д., „Рѣчъ“, Пгр.

II. Журналы: „Аргусъ“, Пгр., „Ежемѣсячный Журналъ“ (Виктора Сергеевича Миролюбова), Пгр., „Нива“ (приложение), Пгр., „Огонекъ“, Пгр.

III. Сборники: „Грифъ“ (юбилейный 1903—1913), М., „Страна“, Пгр.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
Никола Угодникъ	9
Николинъ завѣтъ	14
Николинъ дарь	16
Николина сумка	21
Николинъ огонь	26
Николинъ умолотъ	28
Николина порука	30
Николино стремя	34
Николино письмо	37
Никола почлєжникъ	47
Никола вѣрный	52
Никола милостивый	63
Никола судія	68
Никола чудотворецъ	74
Свѣча воровская	91
Каленые червонцы	93
Ремезъ-птица	96
Задача	97
Заря перегорѣлая	100
Глухая тропочка	102
Заяцъ съѣль	104
Сметана	109
Доля	112
За родину	114
Милостивый нашъ Никола	119
 Примѣчанія	121
Содержаніе	125